

«МЫ ВИДЕЛИ АД НА ЗЕМЛЕ...»

К 70-летию депортации
крымскотатарского народа

«МЫ ВИДЕЛИ АД НА ЗЕМЛЕ...»

К 70-летию депортации
крымскотатарского народа

Составление, общая редакция,
вступительный очерк – Г. Бекирова

Киев
Издательский дом «Стилос»
2014

ББК 63.3(4КРМ)624-36
М 94

При оформлении обложки
использованы материалы сайта hatira.ru

М 94 **«Мы видели ад на земле...» : К 70-летию депор-**
тации крымскотатарского народа / Составление,
общая редакция, вступительный очерк – Г. Беки-
рова. – К. : Издательский дом «Стилос», 2014. –
144 с.

ISBN 978-966-193-092-5

Посвященная трагическим событиям в жизни крымско-татарского народа книга открывается исторической разведкой Г. Бекировой о причинах, подготовке и ходе депортации, нечеловеческих условиях, в которых оказались крымские татары во время выселения и в первые годы жизни на спецпоселениях, об ущемлении их личных и гражданских прав и преследованиях по национальному признаку, которым они подвергались в течение десятилетий, а также о постоянных попытках сопротивления режиму и борьбе за возвращение народа на свою родину. Особо затронут вопрос о последствиях депортации для Крыма и крымского социума. Второй раздел книги содержит архивные документы, «обосновывающие» депортацию и освещающие положение и условия жизни спецпереселенцев в первые, особенно тяжелые, годы депортации. Третий раздел представляет малую толику материалов «Унутма» – общенародной акции сбора свидетельств геноцида крымскотатарского народа – воспоминаний свидетелей депортации.

ББК 63.3(4КРМ)624-36

ISBN 978-966-193-092-5

РАЗДЕЛ I

ДЕПОРТАЦИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР: ВЗГЛЯД СЕМЬ ДЕСЯТКОВ ЛЕТ СПУСТЯ

Минуло 70 лет со дня депортации крымскотатарского народа... Но память об этом самом трагическом событии в истории народа в XX столетии жива и не дает забыть о том, как это было.

Эта книга – одно из напоминаний о страшном прошлом, которое не должно повториться...

Глава 1

Подготовка, причины и правомерность депортации

Крым. Апрель 1944 года.

Освобождение Крыма от фашистских захватчиков сопровождается «очищением» Крыма от внутренних врагов: население, находившееся более двух лет в оккупации, было под большим подозрением у чекистов. Выявлением «ненадежных» элементов на территории Крыма, как и на других освобождаемых территориях, занимались сотрудники «СМЕРШа» – Главного управления контрразведки, а также органы НКВД.

В ходе «мероприятий по очистке Крыма от антисоветских элементов» преступники, разумеется, найдены, о чем свидетельствуют донесения наркома внутренних дел Л. Берии И. Сталину (они сохранились в так называемой «Особой папке Сталина» в Государственном архиве Российской Федерации в Москве). Согласно донесениям Л. Берии от 1 мая

1944 года на имя И. Сталина, В. Молотова, Г. Маленкова, в ходе «филтрации» было арестовано 4206 человек «анти-советского элемента, из них разоблачено 430 шпионов... задержано 5115 человек, в том числе арестовано 55 агентов немецких разведывательных и контрразведывательных органов, 266 изменников и предателей, 363 пособников и ставленников противника».

Вот как вспоминает апрель – начало мая 1944 года очевидец событий – Юсуф Гафаров, подростком оказавшийся в партизанском отряде:

«Нас, всех партизан, построили, приехали какие-то начальники в военной форме и приказали сдать оружие, в том числе холодное... Начались допросы. Каждый день без конца. “Почему Вы служили немцам?” – это был основной. Спрашивали об отряде самообороны, который организовали в нашей деревне. Меня допрашивал один капитан, он меня спрашивал: кто был староста, кто полицейский, спрашивал меня, чем они занимались, как служили немцам. Когда я не смог ответить на его вопросы, потому как по малолетству не знал, чем они занимались, он меня посадил в одиночку на три дня, где не было ни окна, ни света. Когда меня оттуда вытащили, глаза ничего не видели. Тогда я и по-русски плохо говорил, поскольку был деревенский мальчик. Тем не менее, допросы опять продолжались. Он меня пугал своим наганом, по голове стукнул. Что он писал, не знаю, но сказал – “подпиши”. В камере старшие меня предупредили: ты молодой, не бойся, тебе ничего не сделают, не зная, не подписывай, что там – я так и сделал. Ну, я его спрашивал: почему нас оставили немцам, а сами сбежали. Я, семиклассник, что должен был делать – на фронт идти не мог, у меня с немцами воюют три брата, таких, как вы. Он рассердился и отправил меня в камеру. В Ялтинской тюрьме меня больше не допрашивали. В начале мая нас погрузили на грузовики и в сидячем положении всех заключенных из Ялты отправили

в свой район. Привезли в Куйбышевский р-н, дер. Албат. Привезли в большую конюшню, переоборудованную в тюрьму. Все мужчины крымские татары – около 300 человек – были заключенные. Люди лежали на земляном полу в тесноте, друг на друге. Допрашивали и днем и ночью. Таскали под конвоем туда и обратно, где допрашивают. Тут я уже видел много своих односельчан, и много знакомых по всему району. У всех настроение было плохое, никто не знал, чем это кончится. Начали судить тех, кто там остался. Судили тройки – за две-три минуты решали судьбу заключенных, без всяких вопросов. Только говорили срок заключения. Высший срок – 20 лет, наименьший – 10 лет. На этих судилищах были только крымские татары, других национальностей не было»¹.

Не избежали «фильтрации» и те жители Крыма, кто в той или иной форме сотрудничал с оккупационными властями. Было арестовано 49 членов Мусульманского комитета, члены «созданных немецким командованием» «Партии истинно-русских людей», филиалов «Национально-трудового Союза нового русского поколения», «Украинского немецкого комитета»².

Между тем население Крыма радостно встречало бойцов Красной Армии. По информации Ялтинского райкома, в начале мая 1944 года, «...с большим подъемом прошли митинги и встречи в г.Алупке, Дегерменкое и Партените со знатными земляками – героями Советского Союза Аметханом Султаном из г. Алупки и Тейфуком Абдулла из Партенита»³. Крымские татары, столь радостно встречавшие своих соотечественников-героев, еще не знали, что 10 мая 1944 года Л. Берия внес на рассмотрение И. Сталину проект решения Государственного комитета обороны о выселении всех татар

¹ Из письма Юсуфа Гафарова. Архив автора.

² ГАРФ, ф. 9401 («Особая папка Сталина»), оп. 2, д. 64, л. 385–389.

³ Из информации Ялтинского райкома ВКП(б) от 4 мая 1944 г. (ЦГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 2284, л. 21).

с территории Крыма («учитывая предательские действия крымских татар против советского народа и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар на пограничной окраине Советского Союза»).

Подписанное И. Сталиным Постановление Государственного комитета обороны № 5859сс «О крымских татарах» от 11 мая 1944 года стало роковым для целого народа⁴. Так крымские татары стали еще одним из народов СССР, подвергшихся тотальной депортации в годы Второй мировой войны из мест исторического проживания.

Решение о выселении крымскотатарского народа принималось в атмосфере высокой секретности. Лишь самые избранные из «ближнего круга» И. Сталина были посвящены в эти планы.

Механизм депортаций к моменту выселения крымских татар был вполне апробирован⁵. Операции по выселению

⁴ Постановление ГКО № 5859сс не оглашалось при выселении, оно было рассекречено лишь спустя 46 лет после депортации в связи с запросом Министерства юстиции СССР для работы Комиссии Совета Министров СССР по проблемам крымскотатарского народа, образованной в январе 1990 г. Впервые опубликовано в газете «Авдет» в 1991 году, впоследствии не раз публиковалось в различных изданиях. Во время работы над этой книгой мы пользовались подлинником постановления, который хранится в Российском Государственном архиве социально-политической истории в Москве (ф. 644, оп. 1, д. 252, л. 142–144).

⁵ Депортации в СССР затронули более 6 миллионов граждан различных национальностей. Начавшись как акции преследования неугодных социальных групп (кулаки, казаки), получив продолжение в зачистках «приграничных» и «прифронтовых» районов от граждан «инонациональностей» (поляки, немцы, корейцы, китайцы, курды, иранцы, греки, турки), советские депортации оказались, в конце концов, инструментом репрессий против «своих» народов. — Эдиев Д. Демографические потери депортированных народов СССР: http://px.zhurnal.ru/research/demoscope/2004/02/27/demoscope147_print.html.

были тщательно подготовлены. Детально были расписаны время на сборы и маршруты следования⁶, заранее, под благовидными предложениями, уточнены адреса проживания крымскотатарских семей в городах и поселках со смешанным населением, а во всех селах, населенных крымскими татарами, – размещены войска НКВД...

Несмотря на то, что со времени депортации крымскотатарского народа минуло уже 60 лет, и сегодня остается открытым вопрос: что это было – предоставленная войной возможность полного вытеснения крымских татар из Крыма, вынашивавшаяся еще имперской Россией и в интерпретации Сталина трансформировавшаяся в необходимость заселения Крыма «трудолюбивым русским населением», мстительная акция возмездия или продуманный геополитический шаг?

Совершенно очевидно, что депортация крымских татар не была необходимым условием успешного завершения войны с фашистской Германией в Крыму. Неубедительной является и версия возмездия, так как ранее принятые решения дали вполне адекватную «оценку поведению крымских татар в период оккупации». Согласно этим решениям, выселение крымских татар не только не предусматривалось, но скорее им противоречило.

Впрочем, зная поистине маниакальную страсть вождя к поиску виновных – как среди отдельных граждан, так и целых народов, депортация как акция возмездия не кажется столь уж невероятной причиной. Однако здесь, видимо, есть и вполне рациональное объяснение. Депортации народов

⁶ Так, совсем недавно нам довелось обнаружить в Российском государственном военном архиве целый массив документов, связанный с депортацией крымских татар из Судакского региона. Операция была расписана с предельной основательностью... Некоторые документы этого комплекса опубликованы в статье: *Чубаров Р.* Так выселяли Судак // *Голос Крыма.* – 2007. – № 15 (18). – С. 1–2.

в большинстве случаев носили характер пограничной «зачистки» – помимо выселенных крымских татар, были депортированы из мест постоянного проживания ряд мусульманских и тюркских народов, что в свете напряженных взаимоотношений СССР и Турции (Сталин не исключал войны с ней) выглядит вполне логично – основной удар пришелся как раз по народам, отнесенным Сталиным к потенциальным «попутчикам» Турции.

В последнее время получила определенное хождение и «еврейская версия» депортации крымских татар. В наиболее радикальной форме, популяризируемой преимущественно публицистами, она сводится к идее, что крымские татары были выселены, чтобы очистить полуостров для создания Еврейской автономии в Крыму.

Идея создания автономии евреев в Крыму возникла при подготовке пропагандистской и деловой поездки членов Еврейского антифашистского комитета Михоэlsa и Фефера в США летом 1943 года. Предполагалось, что американские евреи воспримут ее с энтузиазмом и согласятся финансировать все связанные с ней расходы. Поэтому отправлявшаяся в США делегация ЕАК получила разрешение на обсуждение этого проекта в сионистских организациях. Геннадий Костырченко, изучавший архивы ЕАК, отмечает: «Прибыв летом 1943 года в США, Михоэлс и Фефер располагали санкцией Молотова на ведение переговоров с американскими сионистами о материальной поддержке еврейского переселения в Крым после изгнания оттуда нацистов». Генерал-лейтенант Павел Судоплатов (в 1943 году – начальник 4-го Управления НКВД, ответственного за «спецоперации» на оккупированных территориях всей Европы) в своих воспоминаниях свидетельствует, что после образования Еврейского антифашистского комитета советская разведка решила использовать связи еврейской интеллигенции для выяснения возможностей получить дополнительную экономическую

помощь в борьбе с фашистской Германией через сионистские круги: “С этой целью Михоэлсу и Феферу, нашему проверенному агенту, было поручено прозондировать реакцию влиятельных зарубежных сионистских организаций на создание еврейской республики в Крыму. Эта задача специального разведывательного зондажа – установление под руководством нашей резидентуры в США контактов с американским сионистским движением в 1943–1944 годах – была успешно выполнена”.

В январе 1944 года Эпштейном и Фефером был составлен проект докладной записки Сталину, где излагалась идея создания еврейской автономии в Крыму. Эпштейн и Фефер, как сотрудники госбезопасности, консультировались и со своими шефами. Фефер, по свидетельству П. Судоплатова, несколько раз обсуждал крымский проект с Берией... Однако, отмечает Жорес Медведев: “Записка о Крыме” была быстро отправлена в архив без всякого рассмотрения. Сделанные в ней предложения ЕАК были нереальными, и даже непродуманными. Формулировать их еще до освобождения Крыма от немецкой оккупации было крайне преждевременно. Предложение ЕАК подразумевало создание в Крыму не “автономной”, а “союзной” республики, ЕССР, что требовало переселения в Крым более миллиона евреев для создания здесь еврейского этнического большинства. Зонами расселения могли быть лишь засушливые северные степные районы Крыма. Заставлять городских жителей распахивать здесь целину можно было бы лишь путем принуждения. Борис Борщаговский, литератор и театральный критик, изучавший послевоенные проблемы евреев в СССР, считает, что “Записка о Крыме” была заговором госбезопасности и прежде всего Берии, причем не только против ЕАК, но и всего мирового еврейского сообщества. По его мнению, этот заговор был направлен и против Молотова... Создание в Крыму, столь сильно пострадавшем в войне,

еврейской советской республики было, конечно, невозможно даже на деньги американских сионистских организаций⁷.

«Еврейский след» депортации крымских татар даже намеком не обнаруживается в документах главного органа власти в период войны – Государственного Комитета Обороны, не просматривается он и в постановлении ГКО «О крымских татарах» от 11 мая 1944 года. А если вспомнить, что после депортации крымских татар Крым заселяли преимущественно русскими и украинцами, а вовсе не евреями, инициаторы же проекта в 1948–1952 гг. в связи с так называемым «делом ЕАК» были арестованы и привлечены к уголовной ответственности по обвинению в шпионаже и антисоветской националистической деятельности, – то «еврейская версия» представляется надуманной.

Впрочем, вопрос о причине депортации крымских татар еще ждет своего решения и остается открытым. Как бы то ни было, выселение крымскотатарского народа (а спустя месяц – греков, армян, болгар, проживавших в Крыму) состоялось, и, как и «операции» в отношении предыдущих и последующих «негодных народов», было проведено «блестяще».

Между тем вопрос о правомерности акции депортации и сегодня активно дебатруется и находит своих защитников – и именно этот аспект, на наш взгляд, очень важен.

Так все же – адекватно ли было наказание «преступлению»?

Ответ на этот вопрос дает сам «вождь всех времен и народов» – Сталин своей сакраментальной фразой – «сын за отца не отвечает» (а также, следовательно, и брат – за брата, сосед – за соседа и т. д.). И хотя у самого «вождя всех времен и народов» слова зачастую расходились с делами, в данном

⁷ *Медведев Ж.* Проект создания еврейской советской социалистической республики в Крыму http://scepsis.ru/library/id_1632.html.

случае он был, безусловно, прав. А иначе сегодня мы должны были бы призвать к ответу, например, весь грузинский народ – за преступления в отношении многих миллионов людей самого Сталина и его подручных (как известно, по негласной прихоти вождя карательные органы во многих случаях возглавляли его соплеменники – не случайно должности наркома госбезопасности и внутренних дел в народе прозвали «грузинскими»). Любой здравомыслящий человек назовет такую логику абсурдной. Но чем же тогда отличаются крымскотатарские женщины, дети, ветераны войны, несущие ответственность за преступления горстки своих земляков?

К слову, уже в местах спецпоселений на поверку выяснилось, что у «народа-предателя», которому приписали поголовную измену Родине, оказалось пять Героев Советского Союза, а на учете отдела спецпоселений НКВД только в Узбекистане в 1952 году находилось 6057 участников Великой Отечественной войны, многие из которых имели высокие правительственные награды⁸. Заметим, что это были лишь те, кто, провоевав всю войну, пережил страшные годы первых лет высылки, унесшие только по официальным данным жизни около трети крымскотатарского этноса.

Коллаборационизм среди крымских татар, несомненно, был, как был он и среди представителей других народов, да и среди любого оккупированного противником населения. Конечно, трудно себе представить, что вал репрессий, который обрушился на народ в 1920–1930 гг. и неоднократно «прошелся» по полуострову, не зародил в среде части пострадавших чувства ненависти к советскому режиму и его руководителям. Тем не менее, есть множество свидетельств героизма жителей Крыма, в том числе, разумеется, и крымских татар. В вышедшей в 1994 году «Книге памяти Республики Крым», в которую включены имена крымчан, не вернувшихся

⁸ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 597, л. 24.

с фронтов Великой Отечественной войны, мы находим имена представителей всех без исключения национальностей полуострова⁹.

Таким образом, факты коллаборационизма никоим образом не могут служить оправданием преступных решений советского руководства о депортации целых народов, исполнение которых принесло неисчислимые бедствия миллионам ни в чем не повинных людей¹⁰. Как пишет автор одного из недавних исследований по истории принудительных миграций в СССР Павел Полян: «Несправедливость... в самом прецеденте “наказания народов”, подменившем судебные разбирательства против конкретных лиц. Независимо от всякой статистики приписывание коллективной вины и применение коллективного наказания по признаку этнической принадлежности является серьезным преступлением против человечности, наравне со взятием и расстрелом заложников»¹¹.

Обращает на себя внимание и то, что акции депортации народов были направлены против относительно немногочисленных этнических групп. Как справедливо заметил философ Григорий Померанц, «малые народы в качестве

⁹ Книга памяти Республики Крым: В 8 т. – Симферополь: Таврида, 1994–1998.

¹⁰ Позиция автора книги по этому вопросу подробно изложена в статье: Стереотипи радянського часу щодо кримськотатарського народу та їх ретрансляція у пострадянському інформаційному просторі // Кримські студії. – 2002. – № 3–4 (15–16). – С. 44–66, текст на укр. и англ. яз. см. на сайте Центра информации и документации крымских татар: <http://www.cidct.org.ua/uk/studii/15-16/5.html>; версия на рус. яз. опубликована на сайте «Крым и крымские татары» <http://www.kirimtatar.com/Researches/stereotypes.html>.

¹¹ Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001. – С. 104.

объектов травли удобнее больших»¹², «они и были выбраны козлами отпущения за общий грех»¹³.

Впрочем, антидемократические акции, направленные против «неблагонадежных» народов, вполне соответствовали сталинскому представлению об эффективных методах управления страной – что хорошо было известно его соратникам по партии. Один из них – инженер-подполковник, надежда советской ракетной программы и самый высокопоставленный из советских беглецов на Запад сталинской эпохи, Григорий Токаев (Токати) уже в эмиграции написал ряд работ, посвященных проблемам демократии в СССР. Правление Сталина в период войны он охарактеризовал так: «Не было никаких сомнений в том, что войну против Германии он будет вести с тем же пренебрежением к интересам и благополучию народных масс, которое он проявил во всей своей политике строительства коммунизма»¹⁴.

¹² Померанц Г. Красная книга народов (Заметки 1987–1989) // Апрель: Литературно-художественный и общественно-политический альманах. – М.: Интер-Версо, 1990. – С. 217.

¹³ Там же. – С. 209.

¹⁴ Токаев Г. Пораженчество и оборончество (глава из книги «Сталин – это война») // Социалистический вестник. – 1951. – № 5. С. 208. В контексте истории депортаций народов безусловно заслуживает внимания публицистическая работа Г. Токаева «Усмирение Северного Кавказа». Подр. см.: «Я совершил поездку по местам массовой расправы и был очевидцем жутких ее последствий» (Григорий Токаев и его работа «Усмирение Северного Кавказа») / Предисловие и подготовка текста Г. Бекировой. – <http://www.kirimtatar.com/Story/tokaev.html>.

Глава 2

«Вывезены все» . . .

«Операцию» по выселению крымских татар было поручено возглавить заместителям народных комиссаров госбезопасности и внутренних дел Б. Кобулову и И. Серову¹⁵.

17 мая 1944 г. в 5 часов вечера в кабинет первого секретаря Крымского обкома партии были вызваны председатель Президиума Верховного Совета Крымской АССР А. Менбариев и председатель Совнаркома Крыма И. Сейфулаев. Последний много лет спустя вспоминал: «Слово было представлено Кобулову, который зачитал Постановление ГКО СССР от 11 мая 1944... Он потребовал, чтобы руководство республики, актив вели себя достойно и показали пример организованности и дисциплины»¹⁶.

В ночь с 17 на 18 мая во всех населенных пунктах Крыма к изгнанию крымских татар одновременно приступили более 32 тысяч оперативников, офицеров и бойцов НКВД –

¹⁵ Порой приходится слышать мнение, что Сталин был единственным виновником всех бед своего времени. Однако нам представляется, что построить столь отлаженную и успешно функционировавшую репрессивную машину было невозможно без «достойных» помощников и подручных. В этом смысле показательно свидетельство Григория Токаева об одном из «героев» операций по выселению народов – Иване Серове: «Я никогда не видал и не представлял себе более бесчеловечного, кровожадного и лишенного всяких моральных и человеческих чувств существа» (*Токаев Г. Усмирение Северного Кавказа // Социалистический вестник. – 1951. – № 3. – С. 67*).

¹⁶ *Сейфулаев И. Выселение крымскотатарского народа на основе огульных обвинений // Голос Крыма. – 1999. – № 32 (299). – 6 августа. – С. 5.*

НКГБ¹⁷. Со всех сторон полуострова к узловым железнодорожным станциям потянулись грузовики с несчастными людьми, которых силой загоняли в товарные вагоны. Куда их увозили, люди не знали...

Уже 20 мая местные партийные функционеры рапортовали в Крымский обком об успешно проведенной акции выселения и сообщали сведения об оставшемся имуществе крымских татар:

«По Евпаторийскому райкому (тов. Лукичев):

Всего татарского населения 1820 человек. Вывезены все.

Татарское население вывезено из 10 колхозов, 418 семей.

В том числе 5 колхозов исключительно состояло из татар.

Учет скота, имущества производится, составлены акты на местах.

В райком представлено 10 актов. Уход за скотом, охрана скота и имущества вывезенных татар организованы.

По Тельманскому району (тов. Левицкий):

Вывезено татарских семей 559 из 8 колхозов.

Учтено скота 616 голов: из них коров – 208, телят – 126, нетелей¹⁸ – 8, овец – 265, коз – 9. Учтено рабочих лошадей 30, птицы 251, хлеба 1250 центнеров. Работает 21 комиссия. Уход за скотом обеспечен путем прикрепления колхозников из ближайших колхозов. Охрана скота и имущества организована. Поставлены посты.

По Бахчисарайскому району (тов. Бережной):

Выселено около 23 тысяч человек (райкомом количество выселенных уточняется). Из всех 52 колхозов р-на вывезены

¹⁷ Согласно письму Л. Берии И. Сталину от 5 июля 1944 г., «в операциях по Крыму участвовали 23000 бойцов и офицеров войск НКВД и до 9000 человек оперативного состава органов НКВД – НКГБ» (*Бугай Н. Ф.* Депортация народов Крыма / Предисловие, составление, заключение, комментарии. – М.: Инсан, 2002. – С. 93).

¹⁸ Нетель – молодая, нетелившаяся корова.

татарские семьи. 7 колхозов состояли исключительно из татарских семей. Вывезены все.

Учтено скота: по городу
 крупного рогатого скота – 110 голов
 мелкого – 958
 лошадей – 25
 По району только из 6 населенных пунктов
 коров – 156
 нетелей – 15 голов
 телят – 72
 овец и ягнят – 145
 рабочих лошадей – 15
 молодняка – 9.

Скот отобран в специально отведенные пункты. Учет имущества организован. Выделено 70 комиссий из 375 человек и привлечен местный актив. По городу работает 20 комиссий и по району 50. Составлены акты. Укрытия и воровства имущества нет, но отдельные случаи есть за счет военных.

По Ялтинскому району (тов. Буланова):

...Всего татарского населения 10332 чел.
 Всего семей – 2836.
 Из всех 20 колхозов вывезены все татары.
 Скота у татар было:
 коров – 281
 овец и коз – 2149
 лошадей – 30

Сколько скота учтено райком сегодня не имеет сведений...

Учет имущества производится. Сколько учтено РК, еще не знаем. Учтенное имущество свозят на склады, где оно охраняется.

По учету имущества работает 18 комиссий, в них участвует 84 чел. Из города направлено в район 501 чел.

По Алуштинскому району (тов. Тынчеров):

Всех татар в районе в 11 колхозах, 3 совхозах и в городе было 15107 чел. Вывезены.

Учет скота и имущества организован, но работа не закончена. Имеются случаи попытки растащить имущество со стороны в/ч.

По Биюк-Онларскому р-ну (тов. Сегалов):

Всего в р-не татар было 3112 чел., 723 семьи.

Вывезены все...

По Евпатории

Вывезено татар 3085, 813 семьи.

По Ялтинскому городу:

на 17/V-44 г. было татар 277 чел. по 142 адресам. Вывезено по данным на 20.05.1944 – 234 чел. из 114 квартир. Осталось вывозить или уточнить вопрос их национальности...»¹⁹.

Эшелоны со спецпереселенцами еще были в пути, а руководители Крыма на первом после освобождения пленуме обкома (14 июня 1944 г.) уже обсуждали планы восстановления разрушенного хозяйства, заодно разоблачая «нездоровые настроения» оставшегося населения: «Много таких разговоров: “Вот татар вывезли и нас будут вывозить”. И даже сухари сушат... Люди русские, украинцы – советский народ, мы не можем на них говорить, что все никуда не годятся... Без них мы ничего не сделаем в хозяйстве»²⁰.

Очень скоро выяснилось, что «нездоровые» настроения были вполне оправданны. Не прошло и двух недель, как в конце июня 1944 года в путь вслед за крымскими татарами последовали греки, армяне, болгары: оказалось, что и они «никуда не годятся», будучи также признаны недостаточно советскими.

Факты мародерства в Крыму были зафиксированы даже официальными документами: «В селе “Акат” Карасувбазарского района бойцы из Приморской армии взломали дверь сарая, где хранилась мебель татарских квартир, и забрали

¹⁹ ЦГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 2262, л. 3–4.

²⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 44, д. 758, л. 36об.

кровати, столы и другую домашнюю утварь»²¹. А вот что вспоминает крымский татарин Асан Усеинов, которому в качестве солдата Приморской армии довелось не только освобождать Крым от фашистов и наблюдать ужасные картины выселения своего народа, но и быть свидетелем последующих событий: «Наши солдаты начали взламывать двери, брать оставшиеся вещи и отправлять их посылками по почте к себе домой. Брали даже наволочки от подушек. Все вокруг было полно пуха и перьев... Наши земляки во время оккупации спрятали от немцев ценные вещи, закопав их в огороде или в сарае и сверху посадив картофель или что другое. Советские солдаты, вооружившись железными прутьями, находили эти тайники. Более всего меня возмутило это. Ведь как радовался народ, что наши пришли»²².

Остается догадываться, сколько же на самом деле нашлось желающих поживиться на чужом горе. В одном из партийных документов 1944 года содержится весьма экстравагантная трактовка подобных случаев: «Немцы развратили известную часть населения, что нашло свое выражение в актах мародерства (воровство городского имущества или имущества, оставленного татарами), в слабой дисциплине колхозников, в пробуждении частнособственнических инстинктов»²³.

В результате войны, оккупации и депортаций²⁴ население Крыма уменьшилось втрое – с 1 126 426 (по Всесоюзной переписи 1939 года) до 379 000 (данные Крымского обкома на 14 октября 1944 года²⁵), что потребовало новых трудовых

²¹ ГА АРК, ф. 1, оп. 1, д. 2276, л. 134.

²² Запись воспоминания А. Усеинова приведена в книге: *Озенбашлы Э. Крымцы.* – Симферополь, 1997. – С. 36.

²³ ГА АРК, ф. 1, оп. 1, д. 2276, л. 7.

²⁴ В конце августа 1941 г. с территории Крыма также было выселено около 50000 немцев.

²⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 44, д. 763, л. 141.

ресурсов. Решением от 18 августа 1944 года в целях «быстрейшего освоения плодородных земель, садов и виноградников» ГКО признал необходимым переселить в Крым из различных областей РСФСР и Украинской ССР «добросовестных и трудолюбивых колхозников» – всего 51000 человек²⁶. Земли бывших татарских, болгарских и других колхозов, откуда были «произведены спецпереселения в 1944 г., с имеющимися посевами и насаждениями», передавались вновь организуемым колхозам переселенцев и закреплялись за этими колхозами в «вечное пользование»²⁷. (Ранее, в июле 1944 г., по районам был распределен крупный рогатый скот, овцы и козы, «принятые от спецпереселенцев в Крыму»²⁸).

Дома депортированных перешли «в жилищный фонд исполкомов местных советов»²⁹. Их занимали «новые колхозники» – переселенцы, прибывшие в основном из различных областей России, меньше – из Украины.

Как докладывал в октябре 1944 г. уполномоченный Карасувбазарского района в вышестоящий партийный орган Крыма, переселенцы были приняты «очень внимательно и тепло»: «В колхоз “Борьба за урожай” прибыло 20 хозяйств, они остались очень довольны тем, что места очень хорошие, что в каждом дворе колодезь... что хорошие огороды, сожалели, что садов нет... высказывались о выдаче обещанного им хлеба».

«Новым хозяевам», обустройство которых было признано делом первостепенной, государственной важности, прощались даже излишняя привередливость. Один из анекдотичных, но весьма показательных случаев сохранился в партийной документации: «В колхозе “Иллери” Тайганского сельсовета... избы все низкие, очень плохие, переселенцы были

²⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 44, д. 762, л. 147.

²⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 44, д. 762, л. 148об.

²⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 44, д. 762, л. 25.

²⁹ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 265, л. 81.

недовольны, волновались непригодностью квартир. Переселенка Баева Н. обращалась к встречающим и завопила: «Такие гостеприимные люди здесь, а живут в таком плохом месте»³⁰.

Уже к 1 декабря 1944 года в Крым прибыло 64000 переселенцев, в том числе 30444 трудоспособных³¹.

* * *

Совершенно иным был путь крымскотатарских спецпереселенцев.

Дорога в неизвестность (а маршруты следования в лучшем случае стали известны лишь во второй половине пути) запомнилась всем, кто ее пережил.

Основную часть выселенцев составляли женщины и дети, размещенные в товарных вагонах, оборудованных нарами:

«В вагоне было много семей. Нас ехало три семьи – 18 человек. Нас десятеро и семья сестры отца – 3 человека и другие сестры – 5 человек. У них не было ни одного мужчины. А у нас было два мужика – два моих брата: Эфрасияб 1931 года рождения и Оздемир – 1940-го. Остальные 16 человек были все женского пола – такое феминистское сборище. Моя мама 1899 года рождения была среди них самой старшей (Касиде Бекирова)»³².

В дороге кормили плохо, эшелоны подолгу простаивали; было много больных и умерших, тела последних конвоиры, без всякого оформления документов, попросту выбрасывали по пути следования эшелона.

³⁰ ГА АРК, ф. 1, оп. 1, д. 2262, л. 7.

³¹ Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 // Сост. В. К. Гарагуля, И. П. Кондранов, Л. П. Кравцова. – Симферополь, 1994. – С. 134.

³² Интервью с Касиде Бекировой (28.11.2002). Архив автора.

Основную часть крымских татар направили в Узбекистан. В деле «Материалы по выселению из Крыма» в Государственном архиве Российской Федерации (ф. 9479, оп. 1с, д. 179) среди прочих документов сохранилась и телеграмма заместителя наркома внутренних дел Узбекистана Бабаджанова в адрес Л. Берии о прибытии последнего эшелона с депортированными крымскими татарами.

Телеграмма № 1476 от 8 июня 1944 13 час. 00 мин.

Из Ташкента

Москва, НКВД СССР – тов. Берия

Докладываю об окончании приема эшелонов в расселении спецпереселенцев крымских татар в Узбекской ССР.

8 июня с. г. прибыл и разгружен последний эшелон СК-579 в составе семей 385, людей 1813, в том числе: мужчин – 303, женщин – 685, детей – 825, для Кашка-Дарьинской области. Всего принято и расселено в Узбекистане спецпереселенцев семей 33.775, людей 151.529, в том числе: мужчин – 27.558, женщин – 55.684, детей – 68.287. Умерло в пути следования во всех эшелонах 191 чел.³³ Расселено по областям: Ташкентской 56.362 человека, Самаркандской – 31.540 человек, Андижанской – 19.630 человек, Ферганской – 16.039, Наманганской – 13.804, Кашка-Дарьинской – 10.171, Бухарской – 3.983. Расселение в основном произведено в совхозах, колхозах

³³ Официальная цифра умерших – 191 человек – вызывает значительные сомнения, причем как у исследователей, так и у очевидцев переселения. Все без исключения пережившие путь в места выселения сообщают, что они неоднократно были свидетелями гибели соотечественников в пути. А если учесть, каковы были условия эшелонирования (скученность, духота, плохое питание, часто – отсутствие или нехватка питьевой воды, жестокость обращения конвоиров, плохая санитарная обработка вагонов, заболеваемость), есть все основания думать, что цифра, приведенная Бабаджановым, весьма приближительна и, по крайней мере, в несколько раз меньше реальных масштабов смертности в пути.

и предприятиях промышленности, в пустующих жилых помещениях и за счет уплотнения местных жителей=Бабаджанов³⁴.

В отличие от тех, кто занимал их дома на родине, спецпереселенцев на новых местах никто не ждал. Никому не было дела до того, чтобы обеспечить их хотя бы самым необходимым³⁵. В память переживших депортацию навсегда врезался момент прибытия и первые впечатления от новых мест.

«Нас выгрузили в степи. Повезли в колхоз Ворошилова-2 – дали дом, как сейчас помню, без крыши. Четыре стены. Камыш набросали, рядом рос камыш. Шакалы придут, рядом воют. Нас четверо детей, отца не было. Братьев забрали в колхоз» (Эсвет Бариев)³⁶.

«Через 18 суток уцелевших прямо из поезда на станции Милютинская погрузили в машины и ночью привезли в горы. Кругом одни камни. Ни деревца, ни избушки... Сами выдолбали что-то наподобие окопов. Со временем каждой семье выдали по пять горбылей. Так появились крыши» (Эскендер Идрисов)³⁷.

Крымскотатарские спецпереселенцы были определены на строительство Фархадской ГЭС в г. Бекабаде, рудники «Койташ» в Самаркандской области и «Ташкент-Сталин-уголь», в колхозы и совхозы Ташкентской, Андижанской,

³⁴ Подчеркивания воспроизводятся по подлиннику документа: ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 179, л. 241.

³⁵ Правда, были на то и объективные причины. Узбекские власти (а именно в этой республике планировалось поселить основную массу крымскотатарских спецпереселенцев – около 150.000) – узнали о решении ГКО от 11 мая 1944 г. только 13 мая 1944 г. Нарком внутренних дел Узбекистана А. Кобулов в спешном порядке известил руководителей узбекских областей о скором прибытии спецпереселенцев, приказав немедленно приступить к организации спецкомендатур. Уже в конце мая – начале июня эшелоны с крымскими татарами стали прибывать в республику.

³⁶ Интервью с Эсветом Бариевым (15.10.2002). Архив автора.

³⁷ Идрисов Э. Мои университеты // Мелитопольские ведомости. – 1997. – 17 мая. – С. 3.

Самаркандской области, Шахриязбского, Китабского районов Кашкадарьинской области, лесоповалы Сибири и Урала. В большинстве своем размещены прибывшие были в непригодных для жилья бараках, а на руднике они «Койташ» и вовсе оказались под открытым небом³⁸.

По данным Отдела спецпоселений НКВД СССР, в ноябре 1944 года в местах выселения находились 193 865 крымских татар, из них в Узбекистане – 151 136, в Марийской АССР – 8 597, в Казахской ССР – 4 286, остальные были распределены «для использования на работах» в Молотовской (10 555), Кемеровской (6 743), Горьковской (5 095), Свердловской (3 594), Ивановской (2 800), Ярославской (1 059) областях РСФСР³⁹.

Говоря о том, что были «вывезены все», подразумевают, естественно, лишь тех, кто находился в ту трагическую ночь 18 мая 1944 года на территории Крымского полуострова. Большая часть мужского населения была в это время в Красной Армии.

Директивы НКВД СССР № 1/21826 от 16 ноября 1944 года и № 1/1559 от 12 августа 1945 года категорически воспрещали «направлять демобилизованных из Красной Армии: чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев – на территории бывшей Чечено-Ингушской ССР, бывшей Карачаевской автономной области и на территорию бывшей Кабардино-Балкарской АССР; калмыков – на территории бывшей Калмыцкой АССР, Ростовской и Сталинградской областей; крымских татар, крымских болгар, греков, армян – на территорию бывшей Крымской АССР»⁴⁰.

Свои семьи защитники Родины находили – если, конечно, находили – уже на чужбине, в так называемых местах «специальных поселений». И сами становились спецпереселенцами.

³⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 44, д. 758, л. 36об.

³⁹ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 187, л. 1.

⁴⁰ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 210, л. 208.

Глава 3

«Пройдите по могилам, спросите» (В спецпоселениях)

Безрадостным было прибытие крымскотатарских спецпереселенцев в Узбекистан в июне 1944 года.

Непривычный климат, постоянная нехватка питания, а зачастую и крыши над головой, привели к тому, что практически сразу же среди них разразилась эпидемия малярии и желудочно-кишечных заболеваний. Согласно спецсообщению заместителя наркома внутренних дел Узбекистана Меера на имя заместителя наркома внутренних дел СССР В. Чернышова, в июле 1944 г. в Наманганской области болели до 40% спецпереселенцев, а в Пахтакорском районе Самаркандской области наблюдалось «поголовное заболевание малярией».

Вдумаемся только в одну цифру, сохранившуюся в официальной документации. С мая по ноябрь 1944 года от болезней и истощения в Узбекистане умерло 10 105 спецпереселенцев из Крыма, то есть около 7 % от числа прибывших⁴¹. А ведь это данные самой власти и только лишь за первые полгода высылки...

Все, кто выжил в эти первые последепортационные годы, вспоминают, что они были самыми тяжелыми. Рассказы

⁴¹ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 187, л. 244. О жизни крымскотатарских спецпереселенцев в 1944–1945 гг. подр.см. в: *Бекирова Г.* «Одеждой и обувью спецпереселенцы не обеспечены, производят впечатление оборванцев, а между тем многие из них на груди носят ордена и медали...» // Міжнародна згадка: спільне минуле – спільне майбутнє (проблеми вшанування пам'яті жертв трагедії етносів України). – К., 2002. – С. 102–139.

очевидцев этих событий на редкость однообразны и отличаются разве что частностями. Общего же очень много – мучительный постоянный голод, болезни (малярия, дизентерия, тиф), изнуряющий труд и умершие – в каждой семье.

«...Зима 1945 года выдалась необычайно суровой... Узбеки сердились: это вы с собой привезли. А что на местных обижаться? Им внушали, что татары – нелюди, крадут детей, бог знает, чем питаются, у некоторых – хвосты... В марте 1945 года я первым в семье заболел кровавой дизентерией. Ни лекарств, ни денег. Спасли врачи местной больницы... 29 марта мама и младший братишка тяжело заболели. В доме ни крошки. Я побежал в свою артель к новому председателю Петру Спиридоновичу Лобанову. Стою, глотаю слезы и не знаю, как сказать. Просить взаймы? Ведь болел – не заработал. Но председатель все понял. Обнял за плечи: "Пойдем, сынок!" Привел к себе домой, насыпал килограммов пять кукурузы... Кукуруза спасла жизнь, но не всем. 2 апреля умерла мама, еще через два дня – младший братишка. На помощь звать было некого. Дизентерией татары болели и умирали семьями. Мы с братом сами выкопали среди камней могилу» (Эскендер Идрисов)⁴².

«В 1942 году родилась у меня сестренка Халиде, отец ее не видел. Она умерла в Средней Азии в 1945 году, так же, как и две другие сестры – Нефисе 1923 года рождения и Айслув 1928 года рождения...

В 1945 году почти месяц мы жили без хлеба, муки, питались только фруктами – абрикосами и яблоками... Мама по селам меняла свои вещи – платки турецкие, платья, кое-что из посуды – на молоко, сметану... Так прокормила нас в 1944–1946 годах. А в 1947 чуть не умерли с году – зимой фруктов нет. Выскочила какая-то трава, мы две недели питались той травой (по-моему, это была лебеда). Она

⁴² Идрисов Э. Мои университеты // Мелитопольские ведомости. – 1997. – 17 мая. – С. 3.

одна лишь осталась полусъедобная, правда, говорили, что она тоже ядовитая. И вот за две недели эта трава до того осточертела, я думаю, если еще раз в рот ее возьму, то умру...

А маленькому брату Оздемиру варили кашу, из мельницы ручной мама кое-как очищала около 100 грамм муки. Нашей мельницей пользовались люди, но в последние дни все меньше и меньше. И вот однажды мама выскребла последние полрюмочки муки и говорит: “Это уже последняя мука для малыша, теперь будем умирать с голоду, терпите и кушайте траву”. И вдруг мама приносит муку гороховую и яичный порошок. Никаких подробностей не помню, как она их варила. Я уже была в состоянии протрации. Никому до меня нет дела, хочешь – живи, хочешь – умирай, никто не спрашивает о моем или чужом состоянии, и мало кто о чем говорит. Эти 2 недели были на грани голодной смерти... Я только помню события позже, мама говорила, если б не американцы, мы бы умерли с голоду. Оказывается, по Северному пути поставили гороховую муку и яичный порошок. Спасибо этим продуктам, что спасли меня от голодной смерти.

Было очень жарко. Я переболела тремя видами малярии – двухдневной 2 раза, трехдневной – 1 раз и четырехдневной. Запомнила по истощающим ознобам. Дизентерией я болела несколько раз, помногу дней» (Касиде Бекирова)⁴³.

Все те, кто пережил эти годы, с особой благодарностью вспоминают матерей, которые в отсутствие мужей – отцов преимущественно больших семейств – поистине героически боролись за жизнь детей.

Вспоминает Айше Сеитмуратова:

«Чтобы прокормить детей, мать вынуждена была продавать на базаре вещи. Как-то раз она ничего не смогла

⁴³ Интервью с Касиде Бекировой (28.11.2002). Архив автора.

продать. Вдруг к ней подошел старик и предложил в обмен на ведро джугары (мука из проса) отдать ее бархатное платье. Не задумываясь, мама сняла платье и осталась в одной рубашке. Мы должны быть благодарны нашим матерям, которые сами не ели, но сохранили жизнь детям. Если бы Тихий океан был чернильницей, то его бы не хватило, чтобы описать трагедию нашего народа»⁴⁴.

Адиле Эмирова спустя годы с болью напишет:

«Мама! Как она боролась за нашу жизнь! Выросшая в крестьянской семье, с детства работавшая на земле, она с первых же дней жизни на новом месте завела огород. Она научилась варить нам кашу из незрелых кукурузных зерен. Из картофельных очистков пекла горьковатые на вкус черные лепешечки. По ночам ходила поливать огород: вода на полив распределялась по очереди, часто со скандалами и драками, а ночью было легче взять воду – провести ее из центрального арыка на свой участок. Работала на износ, не жалая себя. И раньше всех ушла из жизни»⁴⁵...

* * *

Столь же тяжелым, как в Узбекистане, было положение спецпереселенцев в других местах их нового жительства – в Казахстане и в российских областях – Горьковской, Ивановской, Костромской, Московской.

Согласно письму заместителя начальника Управления НКВД Ивановской области, комиссара госбезопасности Малькова, от 28 октября 1944 года № 8/159, начальнику ОСП СССР М. Кузнецову, отправленного адресату после проверки «материально-бытовых условий спецпереселенцев

⁴⁴ Интервью с Айше Сеитмуратовой (23.11.2005). Архив автора.

⁴⁵ Эмирова Адиле. Ностальгия. <http://www.kirimtatar.com/Archi ve/edie.html>.

из Крыма, работающих на лесоучастке треста «Юрвец» Наркомата целлюлозной и бумажной промышленности»:

«Общежития к зиме не подготовлены, находятся в антисанитарном состоянии, требуют ремонта, но к такому трест «Юрвецлес» до сих пор не приступил.

У отдельных общежитий на участке Мокша крыши худые, во время дождя протекают. Большинство рам у общежитий без стекол, особенно на Красногорском и Сокольском участках.

Печи не исправны — дымят, для приготовления пищи не приспособлены, а поэтому спецпереселенцы вынуждены готовить на улице. Топливо к общежитиям не подвезено.

Размещение в общежитиях произведено по несколько семей в одной комнате.

На Красногорском лесоучастке в комнате 12 кв. метров проживает 2 семьи — 9 человек, в другой комнате в 40 кв. метрах 6 семей — 27 человек. Аналогичное положение и в других общежитиях. Благодаря такой скученности и антисанитарному состоянию общежитий, среди спецпереселенцев выявлена завшивленность, особенно на участке Мокша. Дезкамер на участках нет, мыло не выдается.

Теплая одежда трестом «Юрвецлес» получена, но до сих пор лежит на складах Леспродторга, а спецпереселенцы вынуждены ходить на работу полураздетые. Работающим выдают водонепроницаемые чулки, лапти, охотничье сукно и по 5 метров мануфактуры, но все это выкуплено из магазина на 30%, так как производительность труда низкая и средний заработок рабочих составляет 40—70 рублей в месяц.

Дети, подлежащие обучению, — до 80 человек — посещать школу не могут из-за отсутствия одежды и обуви.

Работающие в лесу обеспечиваются 2-разовым питанием, а иждивенцы кроме хлеба по 300 грамм ничего не получают, а поэтому обед, получаемый работающими, делится на всю семью.

Женщины, имеющие по 4—5 человек детей, к работе не привлечены, ввиду того, что не с кем оставить детей, а деткомнаты

на участках не организованы. Средств к существованию не имеют, а поэтому вынуждены променивать последние вещи на продукты.

Политвоспитательная работа среди спецпереселенцев отсутствует, газетами не обеспечены [...]»⁴⁶.

И даже спустя два года после выселения, в 1946 году, положение спецпереселенцев оставалось крайне тяжелым. Так, согласно письму НКВД Марийской ССР и СССР, по состоянию на 23 февраля 1946 г., «жилищные и бытовые условия спецпереселенцев крымских татар, работающих в Марийском бумкомбинате, неудовлетворительны. Значительная часть спецпереселенцев проживает в непригодных для жилья помещениях... Теплой одеждой, обувью и другими промтоварами спецпереселенцы снабжаются крайне неудовлетворительно. Из-за отсутствия одежды и обуви 129 трудоспособных спецпереселенцев не выходит на работу. Детские сады и ясли в комбинате не организованы, в результате чего имеют место невыходы на работу трудоспособных женщин»⁴⁷.

Ужасные условия труда, отсутствие элементарной медицинской помощи, разделенные семьи, запрет на перемещение за пределы того административно-территориального образования, к которому был «приписан» каждый спецпереселенец, – на такую жизнь обрекли власти целые неугодные им народы.

Условия жизни спецпереселенцев были невыносимыми: тяжелый, фактически рабский труд; полное бесправие и незащищенность перед произволом комендантов и администрации, любая прихоть которых приравнивалась к приказу, за невыполнение которого следовало ужесточение режима и ограничение хлебного пайка.

⁴⁶ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 156, л. 78.

⁴⁷ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 262, л. 77.

Устроиться на работу по специальности для спецпереселенца было практически невозможно, при трудоустройстве существовало множество ограничений, юридически закрепленных, например, таких: «В числе неиспользуемых по специальности специалистов и квалифицированных рабочих имеются лица, которые до переселения из Крыма работали в органах связи и на железнодорожном транспорте, где их использовать согласно директивного указания НКВД СССР №1/1447 от 4 августа 1945 года запрещается»⁴⁸. Большая часть крымскотатарских спецпереселенцев трудилась в колхозах и совхозах, остальные – на промышленных предприятиях и стройках.

А вот один из случаев, сохранившихся в документации ОСП НКВД.

В апреле 1945 года нарком пищевой промышленности Зотов ходатайствовал о переводе в совхоз винкомбината «Абрау-Дюрсо» Краснодарского края спецпереселенца Абдишева Бекира, работавшего в филиале НИИ виноградарства и виноделия «Магарач» Ташкентской области, члена КПСС, директора виноградарского совхоза «Судак» с 1932 по 1941 годы. В письме Зотов сообщает, что Абдишев – «хороший организатор, великолепно знающий виноградарство и виноделие», и сейчас используется не по специальности. Ответ заместителя начальника ОСП НКВД СССР П. Мальцева непреклонен: «...перевод разрешить не можем»⁴⁹.

Понятно, что подобных примеров, оставшихся за рамками официальной документации, в реальной жизни было множество. Власть, и без того осуществлявшая жесточайший надзор над спецпереселенцами, стремилась исключить малейшую возможность ослабления своего влияния.

⁴⁸ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 245, л. 17.

⁴⁹ ГАРФ. ф. 9479, оп. 1с, д. 210, л. 17–18.

Большая часть крымскотатарских спецпереселенцев трудилась в колхозах и совхозах, остальные – на промышленных предприятиях и стройках⁵⁰.

Что представляли собой спецпереселенческие колхозы, каково было положение людей, работавших в них? На этот вопрос ответил Александр Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ»: «Спорят некоторые теперь (и не вздорно): вообще колхоз легче ли лагеря? Ответим: а если колхоз соединить вместе? Вот это было положение спецпереселенца в колхозе. От колхоза то, что пайки нет, – только в посеvную дают семисотку хлеба, и то из зерна полусгнившего... От лагеря то, что сажают в КПЗ: пожалуется бригадир на своего ссыльного бригадника в правление, а правление звонит в комендатуру, а комендатура сажает. А уж от кого заработки – концов не сведешь: за первый год работы в колхозе получила Мария Сумберг на трудодень по двадцать граммов зерна и по 15 сталинских копеек... За заработок целого года она купила себе... алюминиевый таз. Так на что ж они жили?! А – на посылки из Прибалтики. Ведь народ их сослали не весь.

А кто ж калмыкам посылки присылал? Крымским татарам? Пройдите по могилам, спросите»⁵¹.

* * *

Смертность во всех местах проживания крымскотатарских спецпереселенцев была высокой, особенно в первые после выселения годы. По сведениям ОСП УзССР, «за 6 месяцев 1944, то есть с момента прибытия в УзССР

⁵⁰ По состоянию на 1 октября 1945 г., в колхозах и совхозах Узбекистана трудились примерно 35 000 крымских татар, а на стройках и в промышленности – около 25 000 человек (ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 245, л. 14).

⁵¹ Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. – Т. 3. – Ч. V–VII. – М., 1991. – С. 68.

и до конца года, умерло 16 052 чел. (10,6%), а за 1945 – 13 183 (9,8%)»⁵². Таким образом, в первые полтора года ссылки в Узбекистане погибло почти 30 000 крымских татар, что составило примерно 20% от числа выселенных.

О первых месяцах после депортации свидетельствует Юсуф Гафаров, который был в то время подростком:

«Каждый день приходили люди, просили похоронить умерших родственников. Хотя были и другие мужчины, но многие из них уже были не в состоянии ходить, даже с места не поднимались. И так мне одному пришлось и могилу копать, и хоронить – это продолжалось каждый день. Около 50 человек за три месяца пришлось мне одному похоронить. Самая страшная смерть тела – от голода. Это было очень жутко. Одна семья из нашей деревни – 6 человек, умерла от голода, я их похоронил. Из одного дома вынес 8 человек, не знаю кто они. Выкопал большую яму и похоронил в ней всех»⁵³.

Если в Узбекистане смертность в 1946 году стала несколько спадать, то, например, в Таджикистане положение оставалось крайне тяжелым. Так, в донесении наркома здравоохранения СССР Г. Митерева секретарю ЦК ВКП(б) Г. Маленкову от 24 января 1946 г. говорилось, что среди спецпереселенцев, размещенных в Курган-Тюбинской области Таджикистана⁵⁴, «наблюдается значительная смертность», причина чего – «систематическое голодание»:

«Спецпереселенцы размещены в маломощных колхозах, которые не могут обеспечить их продуктами питания, и основным средством существования их в настоящее время является государственное пособие, выражающееся в выдаче на одного человека в день 200 грамм пшеницы или ячменя.

⁵² ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 248, л. 12.

⁵³ Из письма Юсуфа Гафарова. Архив автора.

⁵⁴ Кроме крымских татар, здесь находились на спецпоселении немцы и литовцы.

Для спецпереселенцев не созданы элементарные санитарно-гигиенические условия. Помещения не имеют пола, потолка, спецпереселенцы из-за отсутствия мыла в банях не моются, белье не меняют.

Доводя до Вашего сведения о чрезвычайно неблагоприятных санитарно-гигиенических условиях жизни спецпереселенцев, что может привести к вымиранию данного контингента, Народный Комиссариат Здравоохранения СССР просит Вас об оказании помощи в питании путем выделения из государственных фондов основных пищевых продуктов, как-то: муки, жиров, овощей, а также и мыла для санитарной обработки их»⁵⁵.

Вопрос о численности крымских татар – жертв депортации, умерших по пути следования и в местах спецпоселений, и сегодня остается дискуссионным. По сведениям «народной переписи», которую провели активисты крымскотатарского движения в первой половине 1960-х гг. путем посемейного опроса, в местах ссылки погибло 46,2 % крымских татар⁵⁶. Некоторые исследователи подвергают эту цифру сомнению, считая более надежной официальную статистику, зафиксированную преимущественно в справках о хозяйственно-трудовом устройстве спецпереселенцев и других документах ОСП НКВД СССР – здесь цифра умерших не превышает 20–25%.

Установить истину в этом вопросе весьма сложно из-за отсутствия достоверных статистических данных о численности крымских татар накануне войны (перепись 1939 года не учитывала отдельно крымских татар – в качестве единицы учета был принят этноним «татары»), о мобилизованных в Красную Армию и погибших во время войны крымских татарах.

⁵⁵ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 265, л. 18–19.

⁵⁶ Согласно «Обращению крымскотатарского народа в XXIII съезду КПСС» (март 1966 г.), было «переписано более 27 тысяч человек, что составляет более 10% крымскотатарского народа» (Ташкентский процесс. Суд над десятью представителями крымскотатарского народа (1 июля – 5 августа 1969 г.): Сб. док. с илл. – Амстердам, 1976. – С. 29.

Возможно, пролить свет на раскрытие этой тайны смогут по-прежнему недоступные исследователям документы – карточки спецпереселенцев, хранившиеся в спецкомендатурах и служившие источником для итоговых документов ОСП НКВД. Совершенно очевидно, что сегодня, спустя шестьдесят пять лет после депортации, эти материалы должны стать достоянием общественности и послужить одним из главных источников для создания «Книги памяти крымскотатарских спецпереселенцев».

Еще одним источником для установлении численности жертв депортации могут стать исходные материалы к «народной переписи», проведенной активистами крымскотатарского движения в середине 1960-х гг.

Один из таких документов сохранился в моем домашнем архиве. Он составлен моим дедом, Абдураманом Бариевым, и представляет посемейный список жителей деревни Аджименди (где Бариев жил до депортации) со сведениями о количестве умерших односельчан за период с 18 мая 1944 года по 18 мая 1947 года, т. е. в первые три года с момента депортации. Согласно этому документу, из 242 выселенных жителей деревни (из них – 111 человек взрослых и 131 – детей и подростков) в первые три года после депортации умерли 90 человек, что составило 37,2 %.

Разумеется, сведений по одной деревне недостаточно, чтобы говорить о потерях всего народа. Но несомненно, что анализ достаточно репрезентативной подборки таких материалов может дать весьма точные результаты. Особенно если учесть, что абсолютно достоверной не может считаться и статистика НКВД (в частности, те итоговые документы, которые направлялись местными ОСП НКВД в вышестоящие инстанции): советская статистика (в том числе и статистика советских карательных органов) никогда не была синонимом точности и весьма часто выполняла сервильные по отношению к режиму функции.

Однако каковы бы ни были цифры смертности первых последепортационных лет – 46,2% по самопереписи народа или 20–25 % по официальным данным, – даже если речь «только» о четверти погибшего этноса, можно говорить о целенаправленном уничтожении этноса и уверенно квалифицировать действия власти как *геноцид*.

Термин «геноцид» получил закрепление в международной Конвенции «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него», которую 9 декабря 1948 года на своем 179-м пленарном заседании Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций утвердила и предложила для подписания, ратификации или присоединения. (СССР подписал Конвенцию спустя год, 16 декабря 1949 г. Она вступила в силу 12 января 1951 г. Ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР 18 марта 1954 г. с оговорками; вступила в силу для СССР – 1 августа 1954 г.).

В соответствии с этим документом, под геноцидом понимается: групповое убийство; причинение серьезных телесных или психических повреждений членам какой-то группы; сознательное ухудшение жизненных условий группе, которые влекут за собой ее полное или частичное фактическое уничтожение; предотвращение деторождения среди членов группы; насильственная передача детей из одной группы в другую. К преступлениям геноцида мировая юридическая практика относит любые действия, направленные не против отдельных людей, которые нарушили закон, а против какой-либо их общности в том случае, когда эти действия наносят серьезный ущерб людям этой группы в отношении здоровья, жизни и продолжения рода. И – что очень важно в данном случае – Конвенция гласит, что эти действия власти одинаково преступны как применительно к мирному, так и к военному времени⁵⁷.

⁵⁷ Политология. Краткий словарь. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – С. 43.

В нашем случае именно властью были осуществлены целенаправленные действия по отношению к целой нации, приведшие к гибели значительной ее части. Такие действия советского режима, безусловно, должны квалифицироваться как преступление геноцида.

Собственно, это понимали даже представители власти. В документации НКВД не раз встречаются резолюции энкавдэшного начальства вроде той, что сохранилась рядом с цифрой смертности крымскотатарских спецпереселенцев за год с июля 1944 по июль 1945 – 22355 человек, т. е. 15% населения – «о высокой смертности указано НКВД Узбекской ССР в заключении за №52/6540 от 19.09.45»⁵⁸.

Что же касается трактовок этих сюжетов у мыслящих людей, раньше других разобравшихся в природе сталинизма, то уже в 1950 году одна из первых появившихся на Западе статей о депортации крымских татар – публициста-эмигранта, бывшего советского врача Георгия Александрова, – была названа «Истребление крымских татар».

В ней автор дал вполне недвусмысленную оценку политике советского режима в отношении этого народа: «Коммунофашисты в СССР, осуществляя строительство своей чудовищной карикатуры на социализм, не останавливаются для достижения своих целей перед физическим уничтожением не только отдельных “классово-чуждых” групп населения, но и целых народов. Одним из наиболее ярких примеров этой политики, которая в международном праве после войны получила название “геноцид” (истребление народности), и за которую вождей наци судили и осудили на казнь в Нюрнберге, является систематическое и планомерное истребление крымских татар, произведенное советской властью»⁵⁹.

⁵⁸ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 246, л. 45.

⁵⁹ Александров Г. Истребление крымских татар // Социалистический вестник. – [Париж]. – Март 1950. – С. 50–51.

Глава 4

«Да не понял ли нас читатель так,
что спецпереселенцы были лишены
гражданских прав?»

На этот ядовито-саркастический вопрос из книги «Архипелаг ГУЛАГ» ответил сам автор. Конечно, нет – как можно?

Правовой статус спецпереселенцев регулировался постановлением Совета Народных Комиссаров № 35 от 8 января 1945 года.

Его первый пункт гласил, что «спецпереселенцы пользуются всеми правами граждан СССР, за исключением ограничений, предусмотренных настоящим Постановлением».

Согласно второму пункту постановления, «все трудоспособные спецпереселенцы обязаны заниматься общественно-полезным трудом. В этих целях местные Советы депутатов трудящихся по согласованию с органами НКВД организуют трудовое устройство спецпереселенцев в сельском хозяйстве, в промышленных предприятиях, на стройках, в хозяйственно-кооперативных организациях и учреждениях. За нарушение трудовой дисциплины спецпереселенцы привлекаются к ответственности в соответствии с существующими законами»⁶⁰.

⁶⁰ В книге: *Милова О. Л.* (сост.) *Депортации народов СССР (1930–1950-е гг.). Часть 1. Документальные источники Центрального Государственного Архива Октябрьской Революции, высших органов власти и органов государственного управления (ЦГАОР) СССР.* – Материалы к сер.: *Народы и культуры.* Вып. XII. Предисл. О. Л. Миловой. – М.: 1992. – С. 76–77.

Обратим внимание, что для всех остальных граждан по действовавшей на тот момент Конституции 1936 года провозглашалось **право на труд**, а вовсе не **обязанность** трудиться («граждане СССР имеют право на труд, то есть право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством...»). Понятно, что «право» предполагает выбор, «обязанность» же заключает в себе очевидный императивный смысл. Безальтернативность тезиса – «спецпереселенцы обязаны заниматься общественно-полезным трудом» – налицо. И он в точности отражает истинное отношение власти к спецпереселенцам – как к рабсиле, а не как к равным гражданам (хотя формально высокое звание «гражданина Советского Союза» за ними сохранялось). Таким образом, постановление Совета Народных Комиссаров от 8 января 1945 года о спецпереселенцах с юридической точки зрения вступало в явное противоречие с Конституцией – Основным законом государства, и, следовательно, было антиконституционным решением. Впрочем, в свете современных – весьма обширных и доказательных – знаний о преступлениях сталинского режима вести долгие беседы о конституционности и правах в сталинской Стране Советов с нашей стороны было бы по меньшей мере наивно.

Постановление СНК от 8 января 1945 года закрепляло ограничения в передвижении и надзорно-контролирующие функции спецкомендатур – административных органов власти в местах спецпоселений («спецпереселенцы не имеют права без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы района расселения, обслуживаемого данной спецкомендатурой»). Спецпереселенцы – главы семей или лица, их заменявшие, обязаны были в 3-дневный срок сообщать в спецкомендатуру обо всех изменениях, происшедших в составе семьи (рождение ребенка, смерть члена семьи, побег и т. п.).

Участившиеся побегии спецпереселенцев привели к дальнейшему ужесточению режима спецпоселений. Постановлением Совета Министров от 21 ноября 1947 года и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побегии из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» за «самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев» предусматривалась ответственность с определением наказания 20 лет каторжных работ.

Особенно унижительными были регулярные отметки в комендатуре и ограничения в передвижении:

«Выезжать мы не имели права. Съездить нельзя было даже в районный центр...» (Кадри Джелилов)⁶¹.

Молодежь по достижении 16 лет также была обязана стать на учет в спецкомендатуре и, пожалуй, еще более болезненно, чем старшее поколение, воспринимала унижительность своего бесправного положения.

«Привел меня комендант, показал бумагу, что отныне ездить ты никуда не имеешь права. Я сказал – не подпишу, окно было открыто, я выскочил и убежал. Так три месяца не показывался... Один раз он меня подкараулил, все-таки заставил подписать» (Эсвет Бариев)⁶².

Айдын Шемьи-заде вспоминает трагическую судьбу своего соотечественника – уже после решений 1947–1948 годов:

«Дерзкий Восемнадцатилетний парень Бекир, который при встрече всегда кричал мне: “Айдын! Котер башынны! Къырым бизимкидир!” [Айдын! Подними голову! Крым наш! — Г. Б.] нашел спустя несколько лет после выселения свою мать в недалеком районе Наманганской области. Комендант ненавидел Бекира и не разрешил ему съездить к матери

⁶¹ Интервью с Кадри Джелиловым (2.10.2002). Архив автора.

⁶² Интервью с Эсветом Бариевым (15.10.2002). Архив автора.

(разрешение на временный выезд оформлялось непосредственно самим комендантом). Бекир демонстративно съездил к своей старой маме. Отсидел пять дней. Через несколько месяцев опять, не скрываясь, съездил к матери, и "загрел" на 20 лет! Он погиб в течение первого же года заключения»⁶³.

За спецпереселенцами формально сохранялись гражданские права – они даже имели право участвовать в выборах.

Это право – «избирать и быть избранным» – выглядело особенно издевательским и ненужным. Как иронически писал об этом А. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ»: «Этот миг высокий, светлый – из нескольких кандидатов вычеркнуть всех, кроме своего избранника, – за ними был свято сохранен».

Не удивительно, что спецпереселенцы весьма скептически относились к своей правоспособности. Некоторые мнения по этому поводу были зафиксированы в сводках НКВД «о настроениях спецпереселенцев».

Спецпереселенец из Самаркандского района Мемет Муртазаев высказался по поводу предстоящих выборов в Верховный Совет так:

«Эти выборы не наши, наше дело вози да грузи за 600 грамм хлеба. Для меня эти предстоящие выборы в Верховный Совет совершенно безразличны».

Ему вторил спецпереселенец Эмир Асан Харахчи:

«Нам теперь в Советах не бывать, пока не вырастут у наших детей дети. Эти выборы не наши, нам лучше молчать. Пусть выбирают сами себя»⁶⁴.

Действительно, в реальной жизни не известно ни одного случая, чтобы спецпереселенцу удалось стать депутатом по

⁶³ Письмо Айдына Шемьи-заде (22.06.2000). Архив автора.

⁶⁴ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 245, л. 38.

крайней мере городского или районного уровня, не говоря уж о Верховном Совете. (Встречались, правда, забавные истории из жизни бывших депутатов-спецпереселенцев. Одна из них сохранилась в официальной документации. Бывший депутат от Чечено-Ингушетии послал на имя тогдашнего заместителя председателя Совета Министров СССР Л. Кагановича письмо, в котором просил перевести его на другую работу. Письмо из спецпоселения заканчивалось отнюдь не просительной интонацией: «Тов. Каганович, буду ждать Вашего отчета». «Отчитался» ли товарищ Каганович перед бывшим народным избранником или хотя бы подыскал для него более подходящую работу, неизвестно.)

Условия жизни спецпереселенцев были таковы, что даже сохраненные за ними права (например, на получение образования) были трудновыполнимыми, по крайней мере, в первые годы ссылки. Вот одно из типичных свидетельств:

«Не было возможности в школу ходить. Во время войны в школу не ходили. После войны мы не определились — то на одной улице, то на другой, по квартирам. Надевать нечего было, мы босиком ходили. Всю зиму в галошах — выйдешь, ноги мерзнут. В чем в школу пойдешь — мы раздеты были. Одна мать, а нас четверо — кого она оденет? Я так безграмотным и остался — всего три класса кончил. Так хотел учиться — учиться не удалось» (Эсвет Бариев)⁶⁵.

Эти сведения находят подтверждение и в документах Отдела спецпоселений НКВД, ведавшего всеми сторонами жизни спецпереселенцев. Вот что сообщали летом 1946 года руководители ОСП НКВД Казахстана заместителю наркома внутренних дел СССР В. Чернышову: «Особенно в тяжелом положении находятся дети спецпереселенцев. Имеются отдельные семьи, где дети в возрасте до 10 лет зимой

⁶⁵ Интервью с Эсветом Бариевым (15.10.2002). Архив автора.

вынуждены все время находиться в помещении. В Южно-Казахстанской области около 5 000 детей школьного возраста из-за раздетости прекратили посещение школ. Аналогичные факты имеют место и по другим областям республики. Поставить перед СНК Казахской ССР следующие вопросы: ...О проведении учета всех детей школьного возраста с таким расчетом, чтобы в 1946–1947 учебном году все дети спецпереселенцев были охвачены начальным обучением»⁶⁶. Сообщения аналогичного содержания сохранились и в документации ОСП НКВД других регионов, где были расселены спецпоселенцы.

Члены ВКП(б) из числа спецпереселенцев были приняты на учет местных партийных организаций. Директива НКВД приказывала: «Всех бывших партийных и советских работников Крыма (секретарей райкомов, председателей райисполкомов, ответственных работников советских аппаратов) использовать в низовых советских, партийных и хозяйственных аппаратах на должностях в зависимости от специальности или организационного опыта каждого. Бывших работников НКВД – НКГБ крымских татар использовать на работе в спецкомендатурах и других аппаратах, связанных с вопросами хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев»⁶⁷.

В эти же годы отмечены случаи назначения отдельных представителей бывшей крымскотатарской партийно-хозяйственной элиты на должности, правда, совершенно не соразмерные их прежним должностям.

Преимущественно из представителей бывшей партийно-правительственной верхушки среди крымскотатарских спецпереселенцев образовалась относительно привилегированная прослойка «вольнопоселенцев» – они имели право

⁶⁶ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 246, л. 22, 29.

⁶⁷ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 160, л. 148.

не отмечаться ежемесячно в комендатуре, а также свободно передвигаться в пределах республики, в которой оказались после выселения. Как правило, это были люди, отмеченные особыми заслугами перед Родиной – бывшие руководители Крымской автономии и партизанского движения в Крыму, военнослужащие-орденоносцы.

Так, в ответ на ходатайство об освобождении из спецпоселений бывшего секретаря Ялтинского райкома партии, во время войны комиссара Южного соединения партизанских отрядов Крыма Мустафы Селимова МВД СССР в январе 1945 года вынесло следующее решение: «Учитывая, что Селимов в период оккупации был руководителем партизанского движения в Крыму, что семья на оккупированной территории не проживала, что произведенной проверкой по 1-му Спецотделу УНКВД и делу “А” УНКГБ Крымской области компрометирующих материалов на него не установлено, УНКВД по Крымской обл. вынесло заключение ходатайствовать перед НКВД СССР об освобождении Селимова с семьей из спецпоселения. Без права въезда в Крым»⁶⁸.

Впрочем, число «вольнопоселенцев» было очень невелико, а положение их не слишком отличалось от основной массы.

Официальное же разрешение на возвращение в Крым в 1940-х годах получили, согласно документам Отдела спецпоселений НКВД СССР, Герой Советского Союза Узеир Абдураманов (он им не воспользовался) и несколько женщин – крымских татарок, находившихся в смешанных браках – об их освобождении из спецпоселений ходатайствовали вернувшиеся из армии в Крым мужья. Согласно документам МВД, в 1944 году в Крыму оставалось 80 крымских татар (73 женщины, 7 мужчин)⁶⁹.

* * *

⁶⁸ ГАРФ. ф. 9479, оп. 1с, д. 204, л. 80.

⁶⁹ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 404, л. 34.

Спецпереселенцы были поражены не только в реальных правах. К ним относились с подозрением, зачастую – как к преступникам, предателям Родины, и уже поэтому они не могли считаться полноценными гражданами. Такое отношение было частью официальной политики, распространялось оно и на уровень бытовых межэтнических контактов. Так, в информации 1949 г. секретарю ЦК КПСС Г. Маленкову «О состоянии культурно-просветительской работы в Ташкентской области Узбекской ССР» как о ненормальном факте сообщалось, что «в некоторых районах (Ак-Курганском, Сыр-Дарьинском) директорами домов культуры работают люди, высланные в 1944 из Крыма»⁷⁰.

А вот что вспоминает в своей документальной повести Алие Акимова: «В детстве, в самом начале нашей жизни в Узбекистане я уже слышала это гнусное слово “татарва”, а к нему еще добавляли: “Предатели, бандиты, звери, продажные шкуры”. Слова “крымский татарин” звучали как ругательство, как нецензурная брань. В школе, где я училась, я была единственной представительницей своей нации, вступить за меня было некому, сама я обид не прощала, и поэтому весь первый класс ходила битая и вывалянная в пыли. Куда мне было одной против всех! В узбекистанских городах Янги-Юле, Бекабаде или Чирчике мои соотечественники жили общинами; в тамошних школах дети крымских татар составляли большинство и слыли хулиганами, потому что никому и пикнуть не давали по поводу продажи Крыма или предательства»⁷¹.

Моральное давление, комплекс отчуждения со временем стали смягчаться и сглаживаться, но за несколько десятилетий так и не исчезли навсегда. Слово «спецпереселенец» на долгие годы стало синонимом второсортности и реального неравенства крымских татар.

⁷⁰ РГАСПИ, ф. 574, оп. 1, д. 4, л. 2.

⁷¹ Акимова А. И зори родины далекой // Дружба народов. 2002. № 3. – <http://magazines.russ.ru/druzhba/2002/3/akim.html>.

Глава 5

«Новый Крым»

Крым стремительно менялся, вернее сказать, его под-
вергали тотальному переустройству – впредь ничто не
должно было напоминать о прошлом полуострова и о его
коренных жителях.

Основные принципы построения «нового Крыма» были
сформулированы на пленуме Крымского обкома в сентябре
1944 г.: «Крым приобретает огромное значение и в области
народного хозяйства и особенно в деле обороны нашей стра-
ны. Указывая на наши задачи, ЦК обратил внимание на
укрепление морально-политического единства трудящихся
Крыма. Для этого проведены спецмероприятия по выселению
татар, болгар, греков и армян, как пособников фашизма».

В соответствии с новой политической доктриной –
«русского Крыма» – осуществлялось и заселение опустевше-
го полуострова новыми жителями: «Не принято всех необхо-
димых мер по устройству колхозников переселенцев. ЦК
вполне справедливо указал нам на эту ошибку. Мы не поня-
ли, что перед нами ставится задача сделать Крым новым
Крымом со своим русским укладом»⁷². Нарком госбезопас-
ности В. Сергиенко в своем выступлении заметил, что
отныне Крым имеет «особое стратегически важное положе-
ние», и призвал «как можно быстрее покончить с полити-
ческим беспорядком и серьезно заняться политико-массовой
работой среди населения»⁷³.

В феврале 1945 года Крымский полуостров оказался
в эпицентре события международного значения – в Ялте

⁷² Из стенограммы заседания Крымского обкома ВКП(б) 28–29 сен-
тября 1944 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 44, д. 759, л. 103.

⁷³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 44, д. 759, л. 217.

состоялась конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США, Великобритании. Записи переговоров И. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля в изложении советских дипломатов сохранились в фонде И. Сталина в Российском Государственном архиве социально-политической истории (№ 558, оп. 11, д. 235). Переговоры проходили в течение нескольких дней в Юсуповском, Ливадийском, Воронцовском дворцах Крыма.

На конференции обсуждались вопросы послевоенного устройства (скорее, передела) мира, в частности, судьба Германии, вопрос о репарации (возмещении) и др. Державы-участницы договорились довести до конца разгром Германии, содействовать созыву Организации Объединенных Наций, принять Декларацию об освобожденной Европе, об обращении с Германией после ее капитуляции, в том числе о наказании военных преступников, о создании в Германии особых зон трех держав – участниц Конференции, а также Франции, и другие вопросы.

Небезынтересен в свете нашей темы диалог Президента США Рузвельта со Сталиным, зафиксированный одним из документов фонда Сталина в РГАСПИ: «Рузвельт говорил, что чувствует себя в Ливадии очень хорошо. Когда он не будет президентом, он хотел бы попросить у советского правительства продать ему Ливадию. Он, Рузвельт, очень любит лесоводство. Он посадил бы большое количество деревьев на горах вблизи Ливадии. Тов. Сталин отвечал, что Крым представляет собой еще малокультурную страну, многое еще нужно здесь развить»⁷⁴.

Вероятно, последнее высказывание Сталина можно было бы оставить без внимания, если бы оно не было столь симптоматично, если не сказать символично: как раз в это время был взят курс на «новый Крым», покончено

⁷⁴ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 235, л. 8.

с «татарщиной», то есть с тем «малокультурным» – в интерпретации Сталина – Крымом, каким он был при крымских татарах. Впрочем, трудно сказать, сумел ли американский визави Сталина расшифровать потаенный смысл этого высказывания...

Перемены, произошедшие в период войны, вскоре повлекли за собой и административно-политические изменения. Была упразднена Крымская автономия, образованная в 1921 году на том основании, что в Крыму на момент ее учреждения существовал коренной народ. Был изъят из обращения крымскотатарский язык – согласно Конституции Крымской АССР, один из двух государственных языков автономии. 30 июня 1945 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О преобразовании Крымской АССР в Крымскую область в составе РСФСР»; 25 июня 1946 года Верховный Совет РСФСР своим Законом утвердил преобразование Крымской АССР в Крымскую область в составе РСФСР⁷⁵.

Теперь, когда полуостров целенаправленно заселялся в основном русскими переселенцами, Крым более не мог претендовать на этническую самобытность относительно других регионов России, что обеспечивалось ранее наличием коренного народа. С этой точки зрения упразднение автономии было вполне логично.

Понятно, что после насильственной депортации из Крыма крымскотатарского народа, а также проживавших здесь армян, болгар, греков и немцев, составлявших в совокупности треть его довоенного населения (около 300 000 человек), особой заботой власти, наряду с поспешным заселением полуострова, стала срочная выработка идеологических установок и мифологем, призванных обосновать и оправдать правоту совершенных ею действий.

⁷⁵ ГАРФ, ф. 7523, оп. 101, д. 640, л. 20.

В 1944–1948 годах тысячи населенных пунктов, гор и рек полуострова, названия которых имели крымско-татарское происхождение, были заменены на русские.

Началась смена историографических парадигм, связанных с изучением истории крымских татар. В сентябре 1948 года на Научной сессии по истории Крыма было положено начало кампании по пересмотру истории Крыма. В 1949 г. в докладе «Против извращения исторического прошлого Крыма и об очередных задачах крымских историков» П. Надинский заметил, что «почти во всех книгах и статьях, опубликованных в довоенные годы, где затрагивались вопросы, связанные с крымскими татарами, вы обнаружите неправильную оценку роли татарского населения в экономической, культурной, политической жизни»⁷⁶. А после решений Объединенной сессии отделений истории и философии АН СССР по вопросам истории Крыма в мае 1952 года началось целенаправленное переписывание истории крымских татар. Будущий академик Б. Рыбаков в опубликованной в том же году статье «Об изучении истории Крыма» отмечал, что «крымские краеведческие организации в 1920–30 гг. уделяли излишнее внимание изучению и любованию средневековой татарской культуры и недостаточно критически изучали историю Крымского ханства»⁷⁷.

Муза плодовитого писателя Петра Павленко на протяжении второй половины 1940-х буквально не умолкала: со страниц романов, пьес и газетных публикаций, принесся ему за пропагандистские опусы о «новом Крыме» четыре (!) Сталинские премии. И неважно, что талантом эти шедевры не блистали, главное, что следовали они единственно верному курсу, начертанному «вождем всех времен и народов».

Вот один из характерных текстов П. Павленко середины 1940-х: «Крым становится второй родиной многих десятков

⁷⁶ ГА АРК, ф. Р-3296, оп. 1, д. 7, л. 23.

⁷⁷ ГА АРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 224, л. 6–7.

тысяч людей. Этим людям нужно все знать о Крыме. Немало русской крови и русского пота пролито в горах Крыма. Мы живем на костях своих предков в самом точном и узком смысле понятия этого, ибо таких жертв, какие несла Россия за Крым, не несла она ни за одну свою область». Откровения П. Павленко и его эпигонов о «русском Крыме» каленым железом вбивались в головы граждан через газеты и много-тиражные издания их трудов, в точности отражая неоимперский дух этого периода сталинского правления. И надо признать, что усилия «инженеров человеческих душ» не прошли даром. Их лозунги оказались настолько живучими, что и поныне с некоторыми модификациями реанимируются теми «историками», которые ностальгируют по «русскому Крыму» эпохи 1940-х – этому «золотому веку» демократии по-сталински.

Впрочем, переселенческая политика в Крыму, несмотря на протекционизм властей, серьезные финансовые вливания и немислимые идеологические потуги, проходила не гладко. Наблюдался даже отток переселенцев: оказалось, что «благодатный Крым» был не самым легким для хозяйственного освоения краем. Например, по информации Крымского обкома, «в 1948 году выбыло 504 семьи, в том числе из Балаклавского района – 80, Белогорского – 78, Куйбышевского – 67, Алуштинского – 66, Судакского – 65, Старокрымского – 51. Такое положение объясняется тем, что партийные, советские и земельные органы на местах плохо борются с иждивенческими настроениями, забывают Указ ЦК ВКП(б) и решения XVII Пленума обкома ВКП(б) о закреплении колхозников-переселенцев»⁷⁸.

Крымские газеты середины 1940 – начала 1950-х годов наводнены зазывными пропагандистскими материалами всех жанров о переселенцах – начиная от передовиц

⁷⁸ ГА АРК, ф. 1, оп. 1, д. 2850 л. 91.

и заканчивая стихами (не зря товарищ Сталин наказывал, что «печать – самое острое и самое сильное оружие нашей партии»!). В одном из таких материалов колхозница-переселенка с Кубани, а ныне крымчанка Раиса Мирошниченко поведала корреспонденту партийной газеты «Красный Крым»: «Недавно я написала письмо в Кубанскую станицу подругам, описала все про Крым, про нашу жизнь. Получила ответ – девушки спрашивают, можно ли поехать к нам? Конечно, можно, пусть едут, работы и места в этом благодатном краю хватит всем»⁷⁹.

Главный печатный орган Крымского обкома ВКП(б) устами знатной колхозницы вовсе не лукавил – «работы и места» в Крыму действительно было предостаточно. По сообщению ответственного организатора ЦК ВКП(б) по Крымской области в ЦК ВКП(б), «после выселения татар, в некоторых районах, особенно южных, населения почти не осталось. В Куйбышевском районе осталось всего населения 672 чел., Алуштинском – 2637, Судакском – 3380, Балаклавском – 2233. Аналогичное положение с населением в Карасубазарском, Бахчисарайском, Ялтинском районах»⁸⁰.

Но, разумеется, в соответствии с концепцией «нового Крыма» – «пограничных ворот Родины», – место в нем находилось отнюдь не для всех, а только для представителей тех этносов, которые отвечали сталинскому представлению о благонадежности.

В 1945–1947 годах для «дочистки» Крыма от «негодных наций» и борьбы с беглецами-спецпереселенцами были приняты меры по усилению паспортного режима в Крыму,

⁷⁹ Красный Крым. – 1946. – 31 марта. – № 66 (7212). – С. 2. Примечательно, что в главном крымском партийном органе – газете «Красный Крым» в середине-конце 1940-х не встречается ни одного упоминания о выселенных из Крыма народах.

⁸⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 88, д. 309, л. 18.

поддержание которого осуществлялось «путем периодических проверок домовладений, учреждений и предприятий». Однако, очевидно, что послевоенная разруха внесла коррективы в претворение в жизнь этих планов – Крым был разрушен и опустошен, народное хозяйство находилось в бедственном положении, и было гораздо больше насущных проблем, чем те, что диктовались геополитическими амбициями.

Случались даже такие казусы: «В начале 1946 г. бежавший из спецпоселения крымский татарин Бейтулаев Абдул Амид обманым путем оформил документы на ранее принадлежавший ему дом в г. Симферополе и через суд добился его возвращения, который впоследствии продал. Бейтулаев осужден на 5 лет ИТЛ. По его делу также осуждены за пособничество – зав. инвентаризационным бюро Горкоммунхоза Золотарев к 3 годам, инспектор Горкоммунхоза Кузин к 5 годам, паспортистка 1 отделения милиции г. Симферополя к 2 годам и лжесвидетель Кожурова – к 3 годам»⁸¹.

Случай этот, разумеется, был из разряда экстраординарных, а быть может даже, единственным в своем роде. Тем не менее, бегства из спецпоселений в 1944–1948 годах бывали: по данным Отдела спецпоселений НКВД, в ОСП УМВД Крыма за период с 1944 года по 15 декабря 1948 года поступило розыскных требований на 1738 крымских татар⁸². И если учесть, что Сталин был намерен очистить Крым от крымских татар полностью, то такое положение дел нельзя было считать нормальным. В 1947 году были приняты меры по усилению борьбы с побегами спецпереселенцев из мест изгнания. Эффективность их, по мнению компетентных органов, была недостаточной.

Коррективы были внесены самим И. Сталиным.

⁸¹ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 403, л. 4.

⁸² ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 404, л. 49.

Сталин любил отдыхать в Крыму на своей даче⁸³. Его посещение полуострова в бархатный сезон 1948 года было отмечено знаменательным для местной верхушки событием – встречей с первым секретарем Ялтинского обкома Булаевым.

Фиксация беседы Сталина с Булаевым сохранилась в интерпретации первого секретаря Крымского обкома Н. Соловьева. И хотя нарратив этот не может претендовать на роль первоисточника (Соловьев не был участником исторической встречи), не стоит, видимо, приуменьшать достоверность этого документа: запись Соловьева была отправлена ни больше, ни меньше как к самому А. Поскребышеву – секретарю Сталина.

Вот отрывок из этого документа:

«Вчера, 12 сентября в 20 часов тов. СТАЛИН вызвал к себе тов. Булаева (секретарь Ялтинского ГК ВКП(б) и беседовал с ним 45 минут. Булаев, конечно, был на седьмом небе от этой беседы и рассказывает, что она проходила свободно, в очень непринужденной теплой обстановке. В беседе был поднят целый ряд принципиальных вопросов, через тов. Поскребышеву А. Н. Булаеву дано поручение подготовить некоторые предложения по Ялте, которые выходят за пределы Ялты и касаются всего Крыма, так как одна Ялта с ними не справится. Мы должны для себя сделать ряд выводов.

Тов. Булаев сообщил (правда, я должен сообщить, что говорю со слов Булаева и могут быть некоторые неточности), что беседа началась с истории Крыма, в частности, о татарах. Товарищ СТАЛИН говорил, что сейчас Крым заселен трудолюбивым русским населением, а о татарах заявил, что они бездельники,

⁸³ На вопрос секретаря Ялтинского горкома Булаева, «не скучно ли ему в Крыму», И. Сталин ответил, что нет – «людей здесь мало... в Москве очень много», все они движутся вокруг него, «поэтому он доволен, что здесь тихо». «Я ведь очень много работаю, мне нужен отдых и этой тишиной я доволен», – так, по свидетельству Булаева, Сталин объяснял свою любовь к Крыму» (ГА АРК, ф. 1, оп. 1, д. 2565, л. 47).

ничего не делали в Крыму, больше того, во время Отечественной войны нанесли большой вред. Сейчас в Крыму имеются все возможности, чтобы лучше работать. [...]

Далее тов. СТАЛИН обратил внимание на то, что имеются факты, когда отдельные татары возвращаются в Крым, и предупредил, что они засылаются Турцией, поэтому никак нельзя допустить такого положения. Татары должны быть немедленно выселены [...]»⁸⁴.

Документально зафиксированные «замечания» руководству Крыма о недопустимости возврата крымскотатарских спецпоселенцев навевали на крымскую партийную верхушку столь священный ужас, что уже на следующий день были приняты руководящие документы о «зачистке» Крыма, направленные министру внутренних дел С. Круглову⁸⁵.

17 сентября 1948 года прошло оперативное совещание начальников городских и районных отделов милиции о борьбе с уголовной преступностью и усилению розыска бежавших из спецпоселений. С 5 по 15 октября командированные во все районы Крымской области работники Управления Министерства внутренних дел произвели подворные проверки населения и взяли на учет всех «вызывающих сомнение лиц из числа принадлежащих к национальностям, переселенным из Крыма в 1944 году»⁸⁶. Согласно докладной записке МВД Крымской области заместителю министра внутренних дел СССР В. Рясному:

⁸⁴ ГА АРК, ф. 1, оп. 1, д. 2565, л. 47–48.

⁸⁵ Подр. см.: *Бекирова Г.* «В Ялте отдыхал товарищ Сталин и обратил внимание на крайнюю засоренность Крыма несоветски-настроенными людьми» // *Голос Крыма.* – 2002. – 6 сентября. – № 39 (459); *Бекирова Г.* «Повести решительную борьбу со всем татарским...» (Штрихи к послевоенной истории Крыма) // *Полуостров.* – 2003. – № 36 (39). – С. 2.

⁸⁶ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 404, л. 15.

«Для проведения повсеместной проверки состояния паспортного режима и выявления бежавших спецпоселенцев в города и районы Крымской области были командированы 34 оперативных работника УМВД и областного Управления милиции.

В работе по выявлению нарушителей паспортного режима и в первую очередь бежавших спецпоселенцев активно использовалась агентурно-осведомительная сеть органов МВД и милиции, а также подсобные силы милиции (бригадмил⁸⁷ и доверенные лица).

Проверкой по состоянию на 20 октября т. г. на территории Крымской обл. установлено проживающими:

а) спецпоселенцев, бежавших в места поселения — 34 чел. ..., в т. ч.: татар — 1, греков — 7, болгар — 3, немцев — 21, русских — 2.

Из числа выявленных беглецов: арестовано 10 чел., возвращено в места спецпоселений, в связи с невозможностью судить из-за преклонного возраста и наличия малолетних детей — 18 чел. Остальные 6 чел., являются постельно-большими, будут выдворены на спецпоселение в ближайшее время [...]

Наличие значительного числа лиц, незаконно проживавших в Крыму до проверки комиссией МВД СССР, явилось следствием плохой работы отделения спецпоселений УМВД и слабого паспортного режима в области.

Розыск спецпоселенцев, бежавших из спецпоселения на территорию Крыма, проводится неудовлетворительно. В момент проверки ОСП УМВД обнаружено 352 розыскных требования поступивших в УМВД в июле-сентябре 1948 года, по которым никаких действий не проводилось.

В горотделах и райотделениях МВД розыск бежавших спецпоселенцев сводится к проверке разыскиваемых по кустовым адресным бюро, после чего розыскные требования подшиваются в дела.

⁸⁷ Бригадмил — бригады помощи милиции. Прототип будущих народных дружин.

Агентурно-осведомительная сеть на розыск бежавших спецпоселенцев и лиц, незаконно проживающих в Крыму, не направлена. В Севастопольском горотделе, Первомайском, Раздольненском РО МВД 50% агентуры вообще не работает.

Слабо привлекаются к работе по розыску спецпоселенцев участковые уполномоченные и подсобные силы милиции (бригадмил, доверенные лица) [...].

За истекшие 3 квартала 1948 года по области было проверено 210 923 домовладения и 4.495 учреждений и предприятий, в результате выявлено 2 668 нарушителей паспортного режима, из них проживающих без паспортов – 378, с просроченными паспортами – 653, без прописки – 1026, в том числе 60 чел. без определенных занятий и местожительства и 11 чел. проживающих по чужим и поддельным паспортам⁸⁸.

Итак, кампания по зачистке Крыма получила новый импульс и стала набирать обороты. Это был один из значительных, хотя и малоизвестных моментов истории послевоенных трансформаций Крыма – превращения его в запоедную, запретную зону, территорию для избранных.

Приводим два малоизвестных документа 1948 года. Они весьма красноречиво отражают политику власти в этот период, да, впрочем, и в последующие десятилетия. Гипертрофированная агрессивность, отразившаяся не только в стилистике, но даже во внешних признаках документов, не оставляет сомнений относительно решительности намерений власти «закрыть» Крым от спецпереселенцев вообще и от крымскотатарских в особенности. Причем не только от беглых, но и от официально освобожденных (последних, впрочем, в 1948 году уже не было – ни одно из ходатайств крымскотатарских спецпереселенцев о возврате в Крым не было решено МВД положительно).

⁸⁸ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 403, л. 1–3.

НАЧАЛЬНИКАМ ГОРОДСКИХ И РАЙОННЫХ
ОТДЕЛЕНИЙ МВД И МИЛИЦИИ
НАЧАЛЬНИКУ ПАСПОРТНОГО ОТДЕЛА УМ УВД

от 18 ноября 1948

В течение 1944–1948 гг. решением МВД СССР были освобождены из мест спецпоселений с правом жительства в Крыму ряд лиц, выселенных из Крыма в 1944 году. Большинство из освобожденных на жительство в Крым своевременно не прибыли, продолжают прибывать сейчас.

В соответствии с указанием МВД СССР по получению настоящей директивы –

П Р Е Д Л А Г А Ю:

1. Запретить проживание на территории Крымской области **ВНОВЬ ПРИБЫВАЮЩИМ**, ранее освобожденным из мест спецпоселения, но не прибывшим в Крым до получения настоящей директивы, **КРЫМСКИМ** татарам, грекам, болгарам и армянам.

2. Вновь прибывающих в Крым перечисленных выше лиц (независимо имеют ли они разрешение УМВД с мест спецпоселения, МВД СССР или не имеют) – задерживать и немедленно выдворять с территории области, не разрешая им жительство в Крыму.

О каждом таком факте доносить в ОСП УМВД.

3. Настоящую директиву лично разъяснить оперсоставу, участковым уполномоченным и работникам паспортных столов.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ МВД КРЫМСКОЙ ОБЛАСТИ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР А. КАЛИНИН⁸⁹.

* * *

⁸⁹ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 404, л. 26.

СОВ. СЕКРЕТНО

ВСЕМ НАЧАЛЬНИКАМ ГО-РО УМВД КРЫМСКОЙ ОБЛАСТИ

Несмотря на ряд указаний, некоторые начальники городских и районных отделений МВД до сих пор не уделяют требуемого внимания выявлению и задержанию бежавших с мест спецпоселения «власовцев» и выселенных в 1944 году крымских татар, греков, болгар и армян. Некоторые начальники органов беглецов с мест поселения не арестовывают, а отправляют обратно в места поселения без всякого сопровождения, обаяывая только подпиской о явке к месту спецпоселения.

Такое отношение к делу розыска бежавших с мест поселения и самовольно недопустимые действия в отношении выявленных беглецов в дальнейшем недопустимы.

П Р И К А З Ы В А Ю:

1. Немедленно активизировать розыск бежавших с мест поселения, использовав для этого весь личный состав, агентуру, подсобные силы милиции, паспортную работу.

2. Всех без исключения, повторяю ВСЕХ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ выявленных беглецов-спецпоселенцев немедленно арестовывать, в трехдневный срок оформлять на них материал для привлечения к уголовной ответственности по ст. 82 УК РСФСР и представлять под спецконвоем в ОСП УМВД.

3. В соответствии с приказом МВД СССР предупреждаю всех начальников органов, что за халатное отношение к розыску беглецов-спецпереселенцев, несвоевременный их арест и самовольное направление в места спецпоселения, виновные будут привлекаться к строгой ответственности, вплоть до предания суду.

4. О выполнении настоящей директивы проинструктировать оперсостав, участковых уполномоченных, работников паспортных столов.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ
МВД КРЫМСКОЙ ОБЛАСТИ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

А. КАЛИНИН

18 ноября 1948 г. № 29
г. Симферополь

Верно: начальник секретариата УМВД Крыма майор
[подпись] ТИМОФЕЕВ⁹⁰.

Несколько дней спустя после распространения данных инструкций – 26 ноября 1948 года – был принят известный Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны», до предела осложнивший положение спецпереселенцев. Указ нашел свое отражение и в решениях Крымского обкома – что скорее естественно, чем неожиданно: факты возврата спецпереселенцев стали одним из самых существенных мотивов принятия Указа ПВС. Есть основания полагать, что не последнюю роль сыграли здесь, став одним из иницилирующих моментов, «крымские каникулы» Сталина в сентябре 1948 года, и его «исторические» (а иных товарищ Сталин не вел) беседы о последующей судьбе Крыма с руководителями области.

Вот какое решение принял Крымский обком на основании Указа ПВС от 26 ноября 1948 г.:

Протокол № 48

заседания бюро Крымского обкома ВКП(б) от 14.12.1948

РЕШЕНИЕ

от 10.12.1948

§1. Об Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года (т. Калинин, Саранцев, Петровский, Кривошеин, Хованов).

Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны», которым – в связи с тем, что во время переселения не были определены

⁹⁰ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 404, л. 27.

сроки высылки и в целях укрепления режима поселения для выселенных в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар — установлено считать, что переселение в отдаленные районы СССР указанных выше лиц, проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства.

За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности с определением наказания за это преступление 20 лет каторжных работ.

Лица, виновные в укрывательстве выселенцев, бежавших из мест обязательного поселения, или способствовавшие их побегу, лица, виновные в выдаче разрешения выселенцам на возврат их в места прежнего места жительства, и лица, оказывающие им помощь в устройстве в местах прежнего жительства, привлекаются к уголовной ответственности с определением наказания за это преступление лишением свободы сроком на 5 лет.

Придавая большое политическое значение Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» —

постановляет:

1. Обязать горкомы и райкомы ВКП(б) повысить бдительность всех коммунистов, руководителей организаций и оказать всестороннюю помощь органам МВД в выявлении укрывающихся выселенцев и очищение от этих лиц городов и районов Крыма.

2. Поручить секретарям горкомов и райкомов ВКП(б) информировать секретарей первичных партийных организаций о настоящем постановлении бюро областного комитета партии.

3. Разрешить начальнику областного Управления МВД т. Калинину в период до 12 декабря провести в Симферополе, Севастополе, Керчи, Феодосии, Ялте, Евпатории и Джанкое кустового совещания работников МВД и милиции с обсуждением мероприятий, вытекающих из Указа Президиума Верховного Совета СССР

от 26 ноября 1948. Обязать первых секретарей указанных горкомов и райкомов ВКП(б) принять участие в руководимых совещаниях⁹¹.

Последним серьезным политическим преобразованием Крыма послевоенного десятилетия стала передача его Украине в феврале 1954 года: «...учитывая общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и УССР»⁹².

Сегодня уже можно сказать уверенно: не таким ли уж «царским» был этот «подарок» одного славянского брата другому. Много позже зять первого лица государства Алексей Аджубей вспоминал свою поездку в Крым вместе с Н. Хрущевым в октябре 1953 года: «...Все еще дышало страшной войной. Пустовали поселки, татарские аулы... Силуось вспомнить, думал ли я тогда о татарском геноциде, и должен честно признаться – нет, не думал».

Больше всего запомнились А. Аджубею толпы переселенцев, кричавших Н. Хрущеву: «Нас пригнали... Картошка здесь не растет, капуста вянет». По его убеждению, именно после той поездки по полуразрушенному Крыму, у Хрущева назрело решение о передаче Крыма Украине⁹³. Официальная же позиция была озвучена Председателем Президиума Верховного Совета СССР К. Ворошиловым: «Крым является стратегически важным районом и его передача Украине демонстрирует доверие России по отношению к своему украинскому партнеру»⁹⁴.

Как стало понятно впоследствии, это обстоятельство существенно повлияло на последующую судьбу крымско-татарского народа.

⁹¹ ГА АРК, ф. 1, оп. 1, д. 2850, л. 45–46.

⁹² ГАРФ, ф. 7523, оп. 101, д. 640, л. 20.

⁹³ Аджубей А. Как Хрущев Крым Украине отдал // Новое время. – 1992. – № 6. – С. 21.

⁹⁴ Potychnyj P. The Struggle of the Crimean Tatars // Canadian Slavonic Papers. – 1975. – Vol. XVII. – № 2–3. – P. 308.

Глава 6

Настроения спецпереселенцев и попытки сопротивления режиму

Многочисленные свидетельства бывших спецпереселенцев позволяют нам утверждать, что ощущение отверженности, особенно в условиях спецкомендатур, переносилось ими не менее тяжело, нежели физические страдания.

Повседневная жизнь спецпоселенцев состояла из множества запретов и ограничений. Люди не понимали, за какие провинности они лишены родины и собственного крова, отчего оказались в столь ужасных условиях.

Смерть стала обыденным явлением их жизни, к которому, разумеется, невозможно было привыкнуть. Не было ни одной крымскотатарской семьи, которая бы в ссылке не потеряла родных. Известен случай мятежа крымскотатарских трудармейцев в исправительно-трудовом лагере «Волгострой», вспыхнувшего после получения ими многочисленных писем о массовой смертности среди их высланных в Узбекистан родственников осенью 1944 г. Мятеж этот стал естественной реакцией людей на смерть близких⁹⁵.

Первое указание на то, что выселение крымскотатарского народа никак не носит временный характер, обнаруживаем в тексте постановления ГКО от 11 мая 1944 года «О крымских татарах», пункт первый которого гласил: «Всех татар выселить с территории Крыма и поселить их на *постоянное* место жительства в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР» [курсив мой. – Г. Б.].

⁹⁵ *Бекирова Г.* «Выселение из Крыма татар есть негласное их убийство» (Эпизод 1944 года) // *Голос Крыма.* – 2003. – № 19 (495). – С. 5.

Практический курс на закрепление крымских татар в Узбекистане был взят уже в 1945 году. Об этом весьма недвусмысленно говорилось в письме замнаркома внутренних дел В. Чернышова Л. Берии, в котором он просил своего всесильного начальника: «Обязать ЦК КП(б) Узбекистана и СНК УзССР уделять больше внимания вопросам трудового и хозяйственного устройства крымских спецпереселенцев, обеспечивая создание для них условий, способствующих *закреплению* на постоянное жительство в Узбекистане»⁹⁶ [курсив мой. – Г. Б.].

Однако такие планы входили в противоречие с чаяниями крымскотатарских спецпереселенцев – их мысли были связаны только с Крымом. Впрочем, крымские татары не составляли в данном случае какого-то исключения – «наказанные народы» всем сердцем стремились домой. Во властном дискурсе такие настроения были поименованы как «чемоданные» или «переселенческие».

«В первое лето голодающие люди были озабочены поиском хоть какой-нибудь еды. Но когда голод удавалось хоть немного на короткое время смирить, темой разговоров был Крым. Пессимисты говорили, что большинство народа погибнет, а оставшиеся в живых вернуться в Крым, но будут жить под пятой захватчиков. Оптимисты же утверждали, что спасемся и вернемся, и восстановим свою республику. При этом уповали на смерть Сталина и восстановление “ленинских законов”. Республика наша была создана декретом за подписью Ленина, поэтому вера в него жила в народе. Среди выживших уже начиная с 1945 года ходили слухи, что, мол, скоро нас всех вернут в Крым...»

В той школе, где я учился, был один класс (я его знаю от второго и до четвертого), почти полностью укомплектованный крымскотатарскими детишками из детдома.

⁹⁶ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 160, л. 148.

Учительница этого класса, несмотря на запреты со стороны дирекции, говорила с детьми только на татарском языке, во время урока пения по всей школе слышались наши песни: “Мен анамнын бир кызы эдим...” [Я была у матери единственная дочь. — Г. Б.]. Выгнать учительницу не могли, ибо нечем было заменить. У этой учительницы были две дочери, обе старше меня. Никто не допускал мысли, что выжившие крымские татары “укоренятся” в чужом краю» (Айдын Шемьи-заде)⁹⁷.

«О Родине мечтали с 1944 до 1989 года. В первые годы даже дома не строили» (Кадри Джелилов)⁹⁸.

«Году в 1948-м хотел в Крым ехать — сам. На одной из станций в Казахстане меня с поезда высадили, и я назад приехал... Всю жизнь думали, что нас должны вернуть» (Эсвет Бариев)⁹⁹.

«Мы считали себя там временными, никогда не думали, что все время там будем, все верили, что рано или поздно возвратимся, и никогда не было мысли, что там останемся» (Дилявер Киковацкий)¹⁰⁰.

Неудивительно, что у многих зарождалось недовольство существующим положением, хотя в условиях сталинского режима мало кто решался на самоубийственный протест. Но несомненно, что именно в этот период — лишений, невзгод, осознания несправедливости расправы — закладывались ростки протеста.

Нурие Биясова в своей проникновенной документальной повести так вспоминает конец 1940-х: «Именно после смерти матери ко мне пришло прозрение... Стоя под

⁹⁷ Письмо Айдына Шемьи-заде (22.06.2000). Архив автора.

⁹⁸ Интервью с Кадри Джелиловым (2.10.2002). Архив автора.

⁹⁹ Интервью с Эсветом Бариевым (15.10.2002). Архив автора.

¹⁰⁰ Интервью с Дилявером Киковацким (12.10.2002). Архив автора.

холодным дождем у дверей больницы, я дала себе слово: сколько бы мне Аллах ни отпустил, никогда, нигде, ни при каких обстоятельствах не забывать ужасную участь моих родителей, в смерти которых отразилась судьба моего несчастного народа. Именно с того самого момента зародилась во мне лютая ненависть к этому поганому строю, именуемому Советской властью, к партийно-большевистской диктатуре – строю, безжалостно раздавившему наш народ, отдав его на поругание и голодную смерть, предварительно оклеветав и обобрав до нитки»¹⁰¹. Свидетельство это является скорее типичным...

Многие спецпереселенцы весьма нелестно отзывались о власти, за что были названы в документах НКВД врагами и антисоветчиками (зачастую со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями).

Так, в одном из документов Отдела спецпоселений НКВД читаем: «Спецпереселенец из Крыма Баяджитов Курт-Молла 1894 г. р., работает в колхозе им. Ворошилова Самаркандского р-на, среди спецпереселенцев, расселенных в названном колхозе, ведет явно фашистскую агитацию – заявляя: “Выборы в Верховный Совет СССР нас, крымских татар, не касаются, мы в них участвовать не будем. Политика правительства построена на обмане народа. Все равно два антагониста – капитал и коммунизм существовать мирно не могут. Пока существует коммунизм, порядка на земле не будет. Крымские татары, бывшие во время войны в Германии, жили там очень хорошо, а сейчас в связи с их репатриацией, они в советских лагерях подвергаются даже расстрелам”»¹⁰².

В сообщении Министра внутренних дел С. Круглова на имя Сталина, Молотова, Берии и Жданова от 15 августа 1946

¹⁰¹ *Биясова Н.* Депортация. Памяти жертв геноцида посвящается // Голос Крыма. – 1996. – 28 апреля. – № 26. – С. 5.

¹⁰² ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 245, л. 38–39.

года были зафиксированы некоторые высказывания спецпереселенцев по поводу упразднения Крымской автономии:

«Закон о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область не вызвал широкого обсуждения среди крымских татар, расселенных в Узбекской ССР».

Однако антисоветски настроенные элементы пытаются распространить среди крымских татар провокационные слухи о том, что закон о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область направлен к уничтожению крымских татар.

Спецпереселенец крымский татарин Суют Османов по этому вопросу заявил:

«Украинцы больше нас помогли немецким властям и вели борьбу с Красной Армией и партизанами, но их почему-то не выселили. Значит, советская власть ненавидит крымских татар и чечено-ингушей. Нас переселили сюда, чтобы мучить, нас считают врагами народа».

Спецпереселенец из крымских татар Бекиров Исмаил, прибывший в Узбекистан по репатриации из Австрии сказал:

«Советская власть неправильно поступила с татарами, выслав их с родных мест. Разве только татары изменили родине, ведь было много изменников среди украинцев, армян, грузин и русских, а всю вину свалили на татар»¹⁰³.

Отвечая на мой вопрос, какие настроения царили в среде спецпоселенцев и были ли известны ему случаи открытого протеста, Айдын Шемьи-заде написал:

«В малообразованной среде преобладали эмоции типа: погодите, будет и на нашей улице праздник! Это чисто эмоциональное отношение к ненормальной ситуации было

¹⁰³ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 265, л. 83.

непродуктивно. Практически полезные действия были невозможны абсолютно. В среде образованных людей обсуждались пути, которые приведут к возвращению народа на Родину. Но уверовавшие в непоколебимость и всесилие коммунистического тоталитарного режима люди уповали только на милость властей, — и это тоже было бесполезным, как и ругательства в адрес властей. Лояльные говорили, что и “теперешняя” (в смысле — тогдашняя, сталинская) власть вдруг может проявить милость и восстановить справедливость. Радикально мыслящие говорили, что, вот, “подохнет” Сталин, и все изменится, нас вернут на Родину. [...]

В конце сороковых годов стали известны случаи индивидуальной борьбы, когда молодые люди тайком изготавливали листовки и расклеивали их. В них были призывы вернуть народ в Крым. В худшем случае это были обращения к властям, в лучшем случае это были обращения к народу с призывом не терпеть более издевательств.

Я тогда был подростком, но ребята постарше (лет 16—18) были очень агрессивно настроены... Радикализм молодежи проявлялся в явном выражении своего возмущения несвободой, лишением элементарных прав (очень часто молодые нетатары тоже открыто возмущались бесправным положением спецпереселенцев)»¹⁰⁴.

Один из случаев такого сопротивления — история Идриса Асанина.

Родившийся в 1927 году И. Асанин вместе с семьей в депортации оказался в Митанском районе Самаркандской области Узбекистана. С 18 июля по 14 декабря 1944 г. в семье Идриса умерло 10 человек, в том числе мать и отец.

До 1946 г. он работал на хлопковых полях совхоза «Политотдел», затем — рабочим в «Райзаготконторе», учеником в бухгалтерии «Райпотребсоюза» и помощником главного

¹⁰⁴ Письмо Айдына Шемьи-заде (22.06.2000). Архив автора.

бухгалтера. В 1948 году он окончил вечернюю школу и поступил на исторический факультет Самаркандского учительского института (тот несчастный случай, когда спецпереселенцу дали разрешение на поступление в институт). Все это время он писал стихи, в которых говорилось о бесправном положении народа, звучали призывы к борьбе. В 1945, 1947 и 1950 годах у него дома были произведены обыски, изъято множество стихотворений, рукопись повести «Дороги, омытые слезами», поэма «Это не сон». В сентябре 1950 г., по окончании второго курса института, Идриса арестовали¹⁰⁵.

В уголовном деле И. Асанина сохранился текст заключения Самаркандского областного управления по делам литературы и издательств в УМГБ Самаркандской области [органа цензуры областного уровня – Г. Б.], в котором на основании «приведенных стихотворных материалов и заметок» делался вывод, что их «автор – крымский татарин, злобствующий и клеветующий на советскую власть за выселение из Крыма». Далее говорилось: «Восхваляет главу контрреволюции Челеби Джияна¹⁰⁶, пантюркиста, как видно, и сам таковым является по своим стихам и заметкам. Призывает крымских татар, вспомнив историю крымских ханов, восстать и восстановить Крымское ханство, объединить все тюркские народы в единое большое государство. Зам. нач. Обллита: Радионов»¹⁰⁷.

¹⁰⁵ Подр. см.: *Усеинова Г.* Жизни долгой обжигающие строки // *Голос Крыма.* – 1997. – № 39 (202). – 3 октября. – С. 1–2; *Риза Фазыл.* Поэт негибимой воли // *Авдет.* – 1997. – 24 ноября. – № 21 (184). – С. 4.

¹⁰⁶ Авторы документа неверно указали имя Номана Челебиджихана – председателя I Курултая, Муфтия Крыма, расстрелянного большевиками в феврале 1918 года.

¹⁰⁷ Цит. по: *Сеитбекиров А.* Идрис Челеби-оглу Асанин – писатель, патриот, общественный деятель // *Голос Крыма.* – 2002. – № 40 (464). – С. 3.

Следствие продолжалось 7,5 месяцев. И. Асанин обвинялся по статьям ст. 58-3 УК РСФСР, ст. 66 часть 1 и ст. 67 УК УзССР. Суд приговорил его к 25 годам лишения свободы и 5 годам поражения в правах. Срок он отбывал на Северном Урале, затем в Заполярье. Вскоре по этапу прибыли соотечественники – писатель Эшреф Шемьи-заде, врач Исмаил Бахшиш, актер Халит Гурджи. В сентябре 1953, после пересмотра многих дел заключенных, срок лишения свободы Асанину сократили до 10 лет. В 1957 году он освободился и вернулся в Узбекистан, где вскоре включился в нарождавшееся массовое движение крымских татар за возвращение в Крым¹⁰⁸.

Случай этот был, разумеется, далеко не единственным. Однако очевидно, что открытое сопротивление еще не приняло массового характера. Причина этого – жестокий режим, ощущение безысходности и отчаяния, вызванное потерей родных и близких, культивирование в среде спецпоселенцев надежд на «исправление» властью допущенной ею «ошибки».

И все же необходимо отметить, что именно в это время происходил процесс осмысления крымскими татарами постигшего их несчастья, закладывался фундамент будущей активности крымскотатарского национального движения и его бескомпромиссной оппозиционности коммунистическому режиму. Двенадцать лет, проведенных крымскими татарами в условиях комендантского режима, а затем десятилетия борьбы за возвращение на свою родину, были и остаются теми факторами национального сознания, которые и поныне консолидируют и цементируют крымскотатарский этнос.

* * *

¹⁰⁸ Там же.

Эпоха «старого Крыма» закончилась.

Начиналось строительство «новой жизни» в совершенно ином Крыму, одной из главных примет которого было отсутствие коренного народа – крымских татар. Существенно изменился этнический состав населения. Отныне основным населением полуострова стали русские и украинцы. Крым был не просто «освобожден» от коренного народа, тотальной «чистке» подверглось все, что хоть как-то напоминало о существовании крымских татар – были снесены кладбища, уничтожены памятники материальной и духовной культуры, изменены топонимы.

Депортация стала не только трагедией крымскотатарского народа и национальных меньшинств, изгнанных с территории полуострова, составлявших «политически нежелательный элемент». В результате депортаций был разрушен Крым как метаэтнический феномен, в котором, мирно сосуществуя, но фактически не ассимилируясь, жили представители различных этнических и религиозных групп, – сообщество, в котором каждый хоть и принадлежал к конкретной этноконфессиональной группе, но при этом ощущал себя частью более крупного образования, в пределах которого идентифицировал себя с понятием «крымчанин».

РАЗДЕЛ II

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

№ 1

Постановление Государственного Комитета Обороны № 5859сс «О крымских татарах»

В период Отечественной войны многие крымские татары изменили Родине, дезертировали из частей Красной Армии, обороняющих Крым, и переходили на сторону противника, вступали в сформированные немцами добровольческие татарские воинские части, боровшиеся против Красной Армии; в период оккупации Крыма немецко-фашистскими войсками, участвуя в немецких карательных отрядах, крымские татары особенно отличались своими зверскими расправами по отношению к советским партизанам, а также помогали немецким оккупантам в деле организации насильственного угона советских граждан в германское рабство и массового истребления советских людей.

Крымские татары активно сотрудничали с немецкими оккупационными властями, участвуя в организованных немецкой разведкой так называемых «татарских национальных комитетах», и широко использовались немцами для цели заброски в тыл Красной Армии шпионов и диверсантов. «Татарские национальные комитеты», в которых главную роль играли белогвардейско-татарские эмигранты, при поддержке крымских татар направляли свою деятельность

на преследование и притеснение нетатарского населения Крыма и вели работу по подготовке насильственного отторжения Крыма от Советского Союза при помощи германских вооруженных сил.

Учитывая вышеизложенное, Государственный Комитет Обороны

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Всех татар выселить с территории Крыма и поселить их на постоянное жительство в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР. Выселение возложить на НКВД СССР. Обязать НКВД СССР (т. Берия) выселение крымских татар закончить к 1 июня 1944 г.

2. Установить следующий порядок и условия выселения:

а) разрешить спецпереселенцам взять с собой личные вещи, одежду, бытовой инвентарь, посуду и продовольствие в количестве до 500 килограммов на семью.

Остающееся на месте имущество, здания, надворные постройки, мебель и приусадебные земли принимаются местными органами власти; весь продуктивный и молочный скот, а также домашняя птица принимаются Наркоммясомолпромом, вся сельхозпродукция – Наркомзагом СССР, лошади и другой рабочий скот – Наркомземом СССР, племенной скот – Наркомсовхозов СССР.

Приемку скота, зерна, овощей и других видов сельхозпродукции производить с выпиской обменных квитанций на каждый населенный пункт и каждое хозяйство.

Поручить НКВД СССР, Наркомзему, Наркоммясомолпрому, Наркомсовхозов и Наркомзагу СССР к 1 июля с. г. предоставить в СНК СССР предложения о порядке возврата по обменным квитанциям спецпереселенцам принятого от них скота, домашней птицы и сельскохозяйственной продукции;

б) для организации приема от спецпереселенцев оставленного ими в местах выселения имущества, скота, зерна

и сельхозпродукции командировать на место комиссию СНК СССР в составе: председателя комиссии т. Гриценко (заместителя председателя СНК РСФСР) и членов комиссии – т. Крестьянинова (члена коллегии Наркомзема СССР), т. Надьярных (члена коллегии НКМиМП), т. Пустовалова (члена коллегии Наркомзага СССР), т. Кабанова (заместителя Народного комиссара совхозов СССР), т. Гусева (члена коллегии НКФина СССР).

Обязать Наркомзем СССР (т. Бенедиктова), Наркомзаг СССР (т. Субботина), НКМиМП СССР (т. Смирнова), Наркомсовхозов СССР (т. Лобанова) для обеспечения приема от спецпереселенцев скота, зерна и сельхозпродуктов командировать, по согласованию с т. Гриценко, в Крым необходимое количество работников;

в) обязать НКПС (т. Кагановича) организовать перевозку спецпереселенцев из Крыма в Узбекскую ССР специально сформированными эшелонами по графику, составленному совместно с НКВД СССР. Количество эшелонов, станции погрузки и станции назначения по заявке НКВД СССР.

Расчеты за перевозки произвести по тарифу перевозок заключенных;

г) Наркомздраву СССР (т. Митереву) выделить на каждый эшелон со спецпереселенцами, в сроки по согласованию с НКВД СССР, одного врача и две медсестры с соответствующим запасом медикаментов и обеспечить медицинское и санитарное обслуживание спецпереселенцев в пути;

д) Наркомторгу СССР (т. Любимову) обеспечить все эшелоны со спецпереселенцами ежедневно горячим питанием и кипятком.

Для организации питания спецпереселенцев в пути выделить Наркомторгу продукты в количестве согласно приложению № 1.

3. Обязать секретаря ЦК КП(б) Узбекистана т. Юсупова, председателя СНК УзССР т. Абдурахманова и Народного Комиссара внутренних дел Узбекской ССР т. Кобулова до 1 июня

с. г. провести следующие мероприятия по приему и расселению спецпереселенцев:

а) принять и расселить в пределах Узбекской ССР 140–160 тысяч человек спецпереселенцев-татар, направляемых НКВД СССР из Крымской АССР.

Расселение спецпереселенцев произвести в совхозных поселках, существующих колхозах, подсобных сельских хозяйствах предприятий и заводских поселках для использования в сельском хозяйстве и промышленности;

б) в областях расселения спецпереселенцев создать комиссии в составе председателя облисполкома, секретаря обкома и начальника УНКВД, возложив на эти комиссии проведение всех мероприятий, связанных с приемом и размещением прибывающих спецпереселенцев;

в) в каждом районе вселения спецпереселенцев организовать районные тройки в составе председателя райисполкома, секретаря райкома и начальника РО НКВД, возложив на них подготовку к размещению и организацию приема прибывающих спецпереселенцев;

г) подготовить гужавтотранспорт для перевозки спецпереселенцев, мобилизовав для этого транспорт любых предприятий и учреждений;

д) обеспечить наделение прибывающих спецпереселенцев приусадебными участками и оказать помощь в строительстве домов местными стройматериалами;

е) организовать в районах расселения спецпереселенцев спецкомендатуры НКВД, отнеся содержание их за счет сметы НКВД СССР;

ж) ЦК и СНК УзССР к 20 мая с. г. представить в НКВД СССР т. Берия проект расселения спецпереселенцев по областям и районам с указанием станции разгрузки эшелонов.

4. Обязать Сельхозбанк (т. Кравцова) выдавать спецпереселенцам, направляемым в Узбекскую ССР, в местах их расселения ссуду на строительство домов и на хозяйственное обзаведение до 5.000 рублей на семью с рассрочкой до 7 лет.

5. Обязать Наркомзаг СССР (т. Субботина) выделить в распоряжение СНК Узбекской ССР муки, крупы и овощей для выдачи спецпереселенцам в течение июня-августа с. г. ежемесячно равными количествами, согласно приложению № 2.

Выдачу спецпереселенцам муки, крупы и овощей в течение июня-августа с. г. производить бесплатно, в расчет за принятую у них в местах выселения сельхозпродукцию и скот.

6. Обязать НКО (т. Хрулева) передать в течение мая-июня с. г. для усиления автотранспорта войск НКВД, размещенных гарнизонами в районах расселения спецпереселенцев – в Узбекской ССР, Казахской ССР и Киргизской ССР, – автомашин «Виллис» – 100 штук и грузовых – 250 штук, вышедших из ремонта.

7. Обязать Главнефтеснаб (т. Широкова) выделить и отгрузить до 20 мая 1944 года в пункты по указанию НКВД СССР автобензина 400 тонн, в распоряжение СНК Узбекской ССР – 200 тонн.

Поставку автобензина произвести за счет равномерного сокращения поставок всем остальным потребителям.

8. Обязать Главснаблес при СНК СССР (т. Лопухова) за счет любых ресурсов поставить НКПСу 75.000 вагонных досок по 2, 75 м каждая, с поставкой их до 15 мая с. г.; перевозку досок НКПСу произвести своими средствами.

9. Наркомфину СССР (т. Звереву) отпустить НКВД СССР в мае с. г. из резервного фонда СНК СССР на проведение специальных мероприятий 30 миллионов рублей.

Председатель Государственного комитета обороны
И. СТАЛИН

Послано гг. Молотову, Берия, Маленкову, Микояну, Вознесенскому, Андрееву, Косыгину, Гриценко, Юсупову, Абдурахманову, Кобулову (НКВД УзССР), Чадаеву – все, Шаталину, Горкину, Жданову, Смирнову, Субботину, Бенедиктову, Лобанову, Звереву, Кагановичу, Митереву, Любимову, Кравцову, Хрулеву, Жукову, Широкову, Лопухову – соответственно.

№ 2

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

заместителя наркома внутренних дел Меера
заместителю наркома внутренних дел СССР
В.Чернышову о массовой заболеваемости среди
спецпереселенцев крымских татар в Узбекистане

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

17 июля 1944

№ 72604

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
КОМИССАРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 2-ГО РАНГА
ТОВ. ЧЕРНЫШОВУ
г. Москва

За последнее время среди спецпереселенцев – крымских татар в Узбекской ССР значительно возросло количество случаев заболевания малярией и желудочно-кишечными болезнями.

В отдельных районах республики заболевания среди спецконтингента по своей массовости и интенсивности приняли форму эпидемии.

По Наманганской области, где расселено 13.907 человек, болеют (в основном малярией и желудочно-кишечными заболеваниями) до 40% спецпереселенцев.

В Пахтакорском районе Самаркандской области, где расселено 1309 спецпереселенцев, наблюдается поголовное заболевание малярией.

В совхозе Нарпай Кермининского района Бухарской области из 4095 спецпереселенцев в течение июня месяца

с. г. умерло в основном от малярии и желудочно-кишечных заболеваний 94 человека, из них 33 чел. детей.

В совхозе Баяут № 1 и 2 Ховастского района Ташкентской области, где поселено 3918 человек с момента переселения по настоящее время заболело желудочно-кишечными заболеваниями 132 человека, малярией 15 человек и форм. № 4 – 8 чел., из них за это время умерло: от ф. № 4 – 2 чел., от желудочно-кишечных заболеваний – 36 чел.

14 случаев смертности от желудочно-кишечных заболеваний зарегистрировано среди спецпереселенцев на руднике «Ташкент Сталинуголь» Ахангаранского района Ташкентской области.

Причины распространения заболеваний среди спецпереселенцев малярией – это отсутствие профилактических мероприятий – обезвреживания малярийных очагов и хинопрофилактики населения из-за отсутствия акрихина и хинина.

Остро-желудочно-кишечные заболевания происходят главным образом от употребления сырой воды, невымытых овощей и антисанитарного состояния жилищ. Предупредительные мероприятия не проводятся из-за отсутствия бактериофага.

Для борьбы с эпидемическими заболеваниями среди спецконтингентов, кроме постоянного медико-санитарного обслуживания, мобилизован медперсонал областных и районных отделов здравоохранения. Наркомздравом в места расселения высланы медицинские бригады.

Согласно справке Наркомздрава УзССР, даже к сокращенному Наркомздравом Союза ССР плану на 1944 год, Узбекская ССР недополучила 4088 кг противомаларийных препаратов (акрихин в таблетках).

Для проведения необходимых профилактических мероприятий по предупреждению малярии и остро-желудочно-кишечных заболеваний, а также для лечения уже имеющих-ся больных среди спецконтингентов необходимо:

Акрихина: 620 клгр из расчета 2 гр в месяц на 155 человек, всего на 2 месяца малярийного сезона (август, сентябрь).

Хинина – 700 клгр из расчета 40 гр на 1 человека для проведения трех курсов противорецидивного лечения всего на 15500 человек, т. е. 10 % от общего количества спецпереселенцев.

Бактериофага в таблетках – для профилактических целей – 1395 тыс. таблеток из расчета 1 табл. в 10 дней на одного человека. Всего за сезон заболеваний, т. е. на август, сентябрь и октябрь месяцы.

Бактериофага в таблетках для лечебных целей – 139.500 шт. таблеток из расчета 3 табл. в день три дня подряд на 1 человека, всего на 15.500 человек, т. е. на 10% от общего количества спецпереселенцев.

Учитывая, что за последнее время в Узб[екской] ССР имеют место серьезные вспышки заболеваний малярией и острыми желудочно-кишечными болезнями среди спецпереселенцев – крымских татар, а Наркомздрав УзССР не имеет необходимого количества нужных медикаментов не только для профилактики, но даже для лечения больных.

Прошу Вас принять меры через Наркомздрав Союза ССР о немедленной отгрузке Наркомздраву УзССР указанного количества медикаментов.

**ЗАМ. НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УЗССР
ПОДПОЛКОВНИК ГОСБЕЗОПАСНОСТИ МЕЕР**

ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 160, л. 23–23об.

№ 3

Телеграмма наркома внутренних дел УзССР
А. Кобулова министру внутренних дел СССР Л.Берии
об эпидемии малярии и желудочно-кишечных
заболеваний среди крымскотатарских
спецпереселенцев

ПЕРЕДАТЬ НЕМЕДЛЕННО

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

[ШТАМП «Взято на контроль»]

ИЗ ТАШКЕНТА

Т Е Л Е Г Р А М М А

МОСКВА НКВД СССР ТОВАРИЩУ БЕРИЯ
ПЕР. 8/8-44 23 30

ДОНОШУ, ЧТО В УЗБЕКСКОЙ ССР СРЕДИ СПЕЦ-
ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ КРЫМСКИХ ТАТАР ЧРЕЗВЫЧАЙНО
ВОЗРОСЛО КОЛИЧЕСТВО СЛУЧАЕВ ЗАБОЛЕВАНИЙ
МАЛЯРИЕЙ И ОСТРЫМИ ЖЕЛУДОЧНО-КИШЕЧНЫМИ
БОЛЕЗНЯМИ. ПО НАМАНГАНСКОЙ ОБЛАСТИ МА-
ЛЯРИЕЙ БОЛЕЮТ 5300 ЧЕЛОВЕК, ЧТО СОСТАВЛЯЕТ 40
ПРОЦЕНТОВ ИМЕЮЩИХСЯ ОБЛАСТИ СПЕЦПЕРЕСЕ-
ЛЕНЦЕВ. ПО АНДИЖАНСКОЙ ОБЛАСТИ МАЛЯРИЕЙ
БОЛЕЮТ 1015 ЧЕЛОВЕК, ОСТРЫМИ ЖЕЛУДОЧНО-
КИШЕЧНЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ 813 ЧЕЛ. ПО КАШКА-
ДАРЬИНСКОЙ ОБЛАСТИ ИЗ ЧИСЛА 9984 ЧЕЛОВЕК
МАЛЯРИЕЙ 4324 ЧЕЛ. УМЕРЛО 79 ЧЕЛ. ПО СОВХОЗУ
«НАРПАЙ» БУХАРСКОЙ ОБЛАСТИ ИЗ ЧИСЛА 4047
СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ БОЛЕЕТ МАЛЯРИЕЙ 629 ЧЕЛ.

УМЕРЛО ОТ МАЛЯРИИ И ЖЕЛУДОЧНО-КИШЕЧНЫХ БОЛЕЗНЕЙ 126 ЧЕЛОВЕК. В РАСПОРЯЖЕНИИ НАРКОМЗДРАВА УЗ ССР НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ЛЕЧЕБНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ: АКРИХИНА, ХИНИНА, БАКТЕРИОФАГА СОВЕРШЕННО НЕ ИМЕЕТСЯ. МЕСТНЫЙ НКЗДРАВ ЭТОТ ВОПРОС ВОЗБУДИЛ ПЕРЕД НАРКОМЗДРАВОМ СОЮЗА, НО ОТВЕТА ПОКА НЕТ. ДОКЛАДЫВАЮ НА ВАШЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ

НР72778 КОБУЛОВ

[8 августа 1944 г.]

ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 160, л. 22.

№ 4

Письмо заместителя Наркома внутренних дел
В. Чернышова наркому Наркомнефти И. Седину
о положении спецпереселенцев из Крыма
в Ленинском районе Андижанской области

НАРКОМНЕФТЬ СССР

2 сентября 1944

тов. СЕДИНУ И. К.

Спецпереселенцы из Крыма, переданные для трудоустройства в Стройтрест Наркомнефти (Ленинский район Андижанской области), находятся в крайне тяжелых жилищных условиях.

Так, например: на строительных участках № 1, 2, 3 и 4 спецпереселенцы размещены в непригодных для жилья помещениях, не имеющих крыш и окон.

Прошу предупредить дирекцию Стройтреста о том, что если в течение месяца для спецпереселенцев не будут созданы нормальные жилищные условия, они будут из стройтреста переданы другим организациям.

Копию Вашего распоряжения по этому вопросу прошу выслать в НКВД СССР.

Зам. народного комиссара внутренних дел Союза ССР
ЧЕРНЫШОВ

ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 208, л. 19.

№ 5

Письмо заместителя начальника отдела
спецпоселений НКВД СССР П. Мальцева
заместителю народного комиссара внутренних дел
Союза ССР В. Чернышову о положении
спецпереселенцев в Костромской области

СЕКРЕТНО

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
2-ГО РАНГА т. ЧЕРНЫШОВУ В. В.

Согласно Вашему распоряжению мною произведена проверка работы по обслуживанию спецпереселенцев, расселенных в Костромской области.

На территории указанной области расселено спецпереселенцев – 7570, в том числе крымских татар с семьями – 6387, чеченцев, ингушей и карачаевцев – 1183, из них демобилизованных – 955.

Татары расселены в районах:

Макарьевском – 2628

Кологривовском – 1893

Мантуровском – 77 615

Нейском – 315

Парфеновском – 275

Палкинском – 210

Судайском – 130

Чухломском – 120

Чеченцы, ингуши и карачаевцы расселены в:

Галичском – 660 чел.

Буйском – 523.

Все трудоспособные спецпереселенцы в количестве 3772 чел. используются на работах в лесной промышленности Наркомлеса¹⁶ и Наркомбумпрома¹⁷.

[...] Крайне неудовлетворительные условия содержания спецпереселенцев установлены в леспромхозах Наркомбумпрома в Кологривском районе и Мантуровском районах, в леспромхозах Буйском и Галичском Наркомлеса.

В Кологривском районе подготовка к зиме идет медленно. Из-за отсутствия стекла оконные рамы не ремонтируются. Одеждой и обувью спецпереселенцы не обеспечиваются. Спецпереселенцы работают в лесу босиком.

В снабжении спецпереселенцев хлебом имеются перебои по 2–3 дня. С 16 по 20 августа совершенно не выдавали хлеб на Фофановском лесоучастке Понговского леспромхоза. Семьи спецпереселенцев снабжаются питанием нерегулярно, качество пищи неудовлетворительное, хлеб выдается из расчета 150 гр на человека.

Зарплата не выплачивается с июня с. г. Медобслуживание неудовлетворительное.

[...] В Буйском районе вследствие неудовлетворительных материально-бытовых условий в июле, августе и сентябре бежали 91 спецпереселенец, из них задержано 62. Розыск остальных продолжается.

Демобилизованные из армии спецпереселенцы прибыли к месту расселения в летнем армейском, вполне исправном обмундировании. Работая в лесу без спецодежды, свою одежду и обувь изорвали. На некоторых стахановцах одежда настолько истлела, что не поддается никакому ремонту. За весь период с момента расселения выдано только по одной паре белья. [...] Необходимо отметить также отсутствие у спецпереселенцев постельных принадлежностей: одеял, подушек, простыней. Отсутствие одеял приводит к тому, что спецпереселенцы используют для этой цели свои уже достаточно поношенные шинели, что приводит к антисанитарии и способствует вшивости.

Спецпереселенцы должны были довольствоваться по нормам кадровых рабочих. Однако на протяжении всего периода нормы эти не выдерживались, занижались, пища была не питательной. Для характеристики достаточно сказать, что в июле был период, когда кормили исключительно похлебкой из крапивы с небольшой примесью овсяной муки. Стоимость такой похлебки составляла 6 копеек. Только за первую половину сентября недодано против нормы 674 кгр мяса, 160 кгр круп и 6 кгр жиров.

Об исключительно тяжелом материально-бытовом положении спецпереселенцев на Романцевском лесоучастке Буйского леспромхоза достаточно хорошо известно Наркомлесу. [...]

Такое же примерно положение и в Галичском леспромхозе. На Костромском лесоучастке спецпереселенцы размещены в бараке на трехъярусных нарах. Барак рассчитан на 150 человек, фактически же в нем помещается 380. Из-за отсутствия матрацев спецпереселенцы спят на голых досках. В жилых помещениях грязь, клопы, скученность невероятная. Питание неудовлетворительное. Одеждой и обувью спецпереселенцы не обеспечены, производят впечатление оборванцев, а между тем многие из них на груди носят ордена и медали.

Зарплата не выплачивается с момента расселения.

Необходимо [...] коренное улучшение питания и медобслуживания всех контингентов спецпереселенцев, расселенных в пределах Костромской области. В противном случае будет правильным всех демобилизованных из армии спецпереселенцев направить к их семьям, а крымские контингенты передать для использования в ближайшие колхозы и совхозы.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ НКВД СССР
Полковник Государственной Безопасности
10 октября 1944 г. МАЛЬЦЕВ

ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 157, л. 51–55.

№ 6

Выписка из докладной записки о работе
оперативно-чекистского отдела Волгостроя НКВД
№ 4848 за октябрь 1944 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

В отчетном месяце среди татар выявлен ряд ярко отрицательных настроений, связанных с получением некоторых данных о неудовлетворительных бытовых условиях их семей по месту нового поселения. Начиная с первых чисел октября и особенно в последние дни, татары получают большое количество писем о смерти их родственников в местах высылки, в основном Узбекской ССР. Приводим выдержки из отдельных писем:

«...Рабочим дают 300 грамм хлеба, иждивенцам 150 грамм. Все, что было, продали и теперь не знаем, что делать. СЕРВЕР, ВИЛЯДА, ЛЕНАР И ГУЛЬНАРА УМЕРЛИ. Мама лежит в больнице, у нее опухли ноги, я и Мария болеем малярией, ЛИЛЯ с поносом... Из нашей деревни умерло 50 человек. Папа! Если дядя СЕТАР там, то передай, что у них умерли ФАЗЫЛ, НУРИС и ЯКУБ, а жена нездорова...»

(Из письма СУЛЕЙМАНОВУ Халилю от своего сына МУСЫ из Узбекской ССР, Наманганской области, ст. Кугай, Хлопко-совхоз Нарын № 7, отделение № 5).

АСАНОВУ Ильясу сообщает его родственница АБЛАЕВА Лиля из Андижанской области, Аим. Райисполком:

...«Из нашей деревни умерло 26 человек, также и в других деревнях. Из колхоза почти ничего не дают, государственную помощь тоже перестали давать... Не знаем, что делать будем. Квартиры очень плохие, от дождя не защищены. Скоро нас всех, наверное, не будет. Посылаю список умерших: 1). АДЖИ-АЛИМ, 2). ДЖЕЛИЛЯ, мать Шевкета,

3). АСАНЖОКАЙ – отец Эсма... (далее перечисляется в письме еще 16 человек). (Письмо АСАНОВА конфисковано).

САДЛАЕВ Номан (Узбекская Самаркандская область ст. Зирабулак, Хортынгинский район, Кировский сельсовет, колхоз «Правда») пишет своему сыну НОМАНОВУ Абдураману:

...«Твоя мать и тетя Капие умерли от малярии, я тоже болел долго, но выздоровел. У некоторых умерли отец и мать, остались одни дети. На днях скончалась АСАНОВА Зейнеб, они, конечно, умерли от голода. Фатьма, Изоре тоже умерли»...

Некая РЕФАТОВА Хотидже (Узбекская ССР Самаркандская область) сообщает МЕТОВУ Сулейману, что из числа высланных из Крыма в Узбекистан людей уже умерло до 70 тысяч человек, при этом добавляет, что «если раньше снабжали хотя бы рисом, то теперь и его перестали давать»...

Судя по агентурным данным, аналогичных писем поступило в стройотряд значительное количество. Они становятся немедленно достоянием всего отряда и вызывают возбужденные, панические разговоры, переходящие в открытые антисоветские суждения.

Мы принимаем зависящие от нас меры к конфискации и цензорской корректировке такой переписки, однако это ни в какой степени не обеспечивает от просачивания корреспонденции в отряд по другим каналам. Много трудмобилизованных, особенно пользующихся правом свободного выхода за зону, установили знакомство с местным населением, которое на почве коммерческих и интимных отношений разрешает вести переписку по своим домашним адресам. Часть корреспонденции через нас почти не проходит, а отправляется самими трудмобилизованными через почтовые ящики поселка «Аббакумово», установив с татарами связь (одна из сотрудниц сожительствоует с татаринном), беспрепятственно проводят для них почтовые операции, минуя почто-посылочную

часть, принимают от них заказные письма и выдают им такие же, несмотря на отсутствие у них удостоверений личности, без чего формально такая выдача не разрешается. (Путем информации Начальника Облуправления НКВД принимаем меры к недопущению в дальнейшем аналогичных операций почтовых работников Аббакумово).

Отрицательные настроения татар характеризуются нижеследующими высказываниями:

... «Цель Советской власти в отношении татар сводится к тому, чтобы их совсем ликвидировать вместе с семьями, чтобы татары никогда не могли окрепнуть, возобновить существование своей нации. Еще когда погнали немцев от Сталинграда, то для нас уже построили бараки на севере России. И мы, и наши дети пропадем, Советская власть делает все для этого и достигнет своей цели »...

(ТОПУЗОВ Джемилъ в беседе с односельчанами КАТЯРОВЫМ и АДАМАНОВЫМ).

... «Дело не в письмах, это мелочь. На вещи нужно смотреть шире, сейчас речь идет о том, что мы все погибнем. Так хочет Советская власть. Мы и наши семьи поставлены в такие условия, что не выдержим, все это делается специально»...

(МУСТАФАЕВ Али).

МУЕДИНОВ Эбульсуют 25/Х в расчетной части отряда, рассказывая о полученном им письме, извещающем о смерти 4-х его родственников, заявил: «Там они умирают от голодной смерти... Лучше бы Советское правительство расстреляло нас всех, чтобы мы не мучились, как это делали немцы с евреями»...

Татарин БАТЫРОВ Наман, характеризуя настроения татар в стройотряде, заявляет: «Настроение у татар резко ухудшилось. Все учащаются вести о гибели семей и уже глухой ропот царит среди нас. Учащаются случаи протестов, пока еще в мелочах: не заправляют постелей, не дают стричь волос и т. д. и одновременно с этим люди совершенно не

хотят работать, не хотят и думать о работе. Дневальный нашего барака заявляет: «Если мы не нужны здесь, то пусть Сталин передаст нас другому государству. Ведь не все государства по типу нашего являются тюрьмой для народа»...

«Выселение из Крыма татар есть негласное их убийство. Зачем расстреливать, когда можно людей работой и условиями довести так, что они перемрут».

(Бригадир КАДЫРОВ Бенсеит).

«Если бы мне дали право, то я этих советских бойцов коллол бы всех по одиночке. Они нас мучают здесь, в то время когда наши семьи умирают где-то с голоду» (АБСЕТАРОВ Сеит Абла).

Зафиксированные нами антисоветские настроения других трудмобилизованных аналогичны вышеуказанным. За всеми этими лицами ведется систематическое агентурное наблюдение.

За последнее время, в связи с получением многими трудмобилизованными писем о неудовлетворительных бытовых условиях их семей, начали принимать распространенный характер тенденции к дезертирству из отряда, причем в последнюю декаду они стали еще значительнее. Агентурные данные свидетельствуют о том, что побеговым настроениям способствует еще и то обстоятельство, что, несмотря на неоднократные обещания о помощи в восстановлении связи с семьями, эти обещания не выполняются:

... «Татарин АМЕТОВ Мевлют собирается совершить побег, для чего занимается приобретением фальшивых документов, что, по его данным, можно сделать в г. Рыбинске уплатив “одному человеку” 2000 рублей».

Татарин АБЛАЕВ Абибула заявил источнику, что собирается бежать. В разговоре он указал, что поедет не в Крым, как это делают другие, а в иное место. Собирается он бежать с группой единомышленников, занимающихся сейчас изысканием средств для расходов в пути.

Болгарин ЦЕНОВ Леонтий собирается бежать из отряда, для чего подыскивает квартиру, где можно было бы некоторое время перепрятаться.

Нами приняты меры для агентурного повседневного наблюдения за пытающимися бежать, с целью предотвращения побегов.

Как и в прошлом месяце, физическая деградация среди трудмобилизованных не возрастает. В связи с пребыванием на Волгострое, по предложению Зам. наркома тов. ЧЕРНЫШОВА, Начальника Отдела Главпромстроя тов. РЫЖОВА, специально выезжавшего для ознакомления с бытовыми условиями и состоянием режима среди трудмобилизованных, – руководством Волгостроя принимаются меры к налаживанию режима.

НАЧАЛЬНИК ОПЕРОТДЕЛА ВОЛГОСТРОЯ НКВД СССР,
Подполковник госбезопасности АЛЕКСАНДРОВ

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ ОПЕРОТДЕЛА
Ст. лейтенант госбезопасности ЮРЬЕВ

Верно: ЗА НАЧ. 2 ОТД-НИЯ ОПЕРАТ. ОТДЕЛА ГУЛАГа
НКВД СССР

Майор госуд. безопасности ЗУБОВ [подпись]

21 ноября 1944 г.

№1

[ШТАМП «Взято на контроль»]

ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 156, л. 345–346об.

№ 7

СПЕЦСООБЩЕНИЕ
начальнику ОСП НКВД СССР
«О настроениях спецпереселенцев в связи
с предстоящими выборами в Верховный Совет СССР»
(декабрь 1945 г.)

НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА
СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ НКВД СССР
ПОЛКОВНИКУ
ТОВ. КУЗНЕЦОВУ

В связи с предстоящими выборами в Верховный Совет СССР, враждебные элементы из среды спецпереселенцев, расселенных в Узбекистане, пытаются на демагогическом истолковании гражданских прав спецпереселенцев вести антисоветскую агитацию.

Спецпереселенец ХАРАХЧИ Эмир Асан 1897 года рождения в период оккупации немцами Крыма являлся активным пособником немцев, в настоящее время проживает в Самаркандском районе той же области, по поводу предстоящих выборов выразился:

«Нам теперь в Советах не бывать, пока не вырастут у наших детей дети. Эти выборы не наши, нам лучше молчать. Пусть выбирают сами себя».

Спецпереселенец МУРТАЗАЕВ Мемет 1905 года рождения в период оккупации Крыма служил добровольцем в немецкой армии, проживает в данное время в г. Самарканде, среди своего окружения говорит:

«Эти выборы не наши, наше дело вози да грузи за 600 грамм хлеба. Для меня эти предстоящие выборы в Верховный Совет совершенно безразличны».

Другой спецпереселенец из Крыма БАЯДЖИТОВ Курт-Молла 1894 г. р., работает в колхозе им. Ворошилова Самаркандского р-на, среди спецпереселенцев, расселенных в названном колхозе, ведет явно фашистскую агитацию, заявляя:

«Выборы в Верховный Совет СССР нас, крымских татар, не касаются, мы в них участвовать не будем. Политика правительства построена на обмане народа. Все равно два антагониста – капитал и коммунизм существовать мирно не могут. Пока существует коммунизм, порядка на земле не будет. Крымские татары, бывшие во время войны в Германии, жили там очень хорошо, а сейчас в связи с их репатриацией, они в советских лагерях подвергаются даже расстрелам».

УНКВД Самаркандской области дано указание произвести расследование и БАЯДЖИТОВА арестовать.

23.10.45 спецпереселенец, проживающий в Беговатском районе Ташкентской области ДЖАВАТОВ Асан, организовал коллективную читку, присутствовавший спецпереселенец АСА Бекир перебил ДЖАВАТОВА и злобно заявил:

«Брось читать, все равно мы, спецпереселенцы, крымские татары, в них участвовать не будем и никто из нас, крымских татар, избран не будет».

Вследствие слабо организованной разъяснительной и агитационной работы, многие спецпереселенцы, расселенные в Ташкентской области, считают, что они как спецпереселенцы лишены всех гражданских прав и участвовать в выборах не будут.

Отмечены случаи, когда некоторые спецпереселенцы в колхозах Янги-Юльского района высказывались:

«Из Крыма мы переселены за то, что провинились перед Родиной, и сейчас, являясь спецпереселенцами, будем ли

принимать участие в выборах Верховного Совета СССР или мы этого лишены».

На строительстве Нижне-Боссуйской ГЭС 30.10.45 г. во время читки положения о выборах в чайхане спецпереселенец МУСТАФАЕВ Амет спросил:

«Интересно, будут ли крымские татары допущены к выборам?»

Но ответа на свой вопрос не получил, т. к. присутствующие сами не знали этого, а разъяснить им было некому.

Со стороны многих спецпереселенцев отмечены факты положительных настроений, особенно работающих на промпредприятиях, где агитационно-разъяснительная работа проводится систематически.

Спецпереселенец из Крыма БЕКТИМИРОВ Халил 1895 года рождения, кузнец моторо-ремонтного завода в Самарканде, после ознакомления с положением о выборах в Верховный Совет СССР высказался среди рабочих:

«Выборы у нас свободные, не как в капиталистических государствах. Мы все рабочие завода должны активно к ним готовиться».

Спецпереселенец из Крыма КАДЫРОВ Ибраим 1912 года рождения, тоже работник указанного завода, высказался в том же духе:

«Наша избирательная система построена на принципе широкой демократии, в выборах равноправно участвуют все. В других странах этого нет».

Спецпереселенец ГАФУРОВ 1906 г. р., рабочий завода «Красный двигатель», заявил:

«В предстоящих выборах в Верховный Совет СССР нужно избрать людей, зарекомендовавших себя за время Отечественной войны с гитлеровской Германией, как людей этого достойных».

Аналогичные положительные патриотического характера высказывания отмечены у многих спецпереселенцев.

По приведенным фактам настроений спецпереселенцев проинформировали ЦК КП (б) Узбекистана, причем, учитывая, что в Узбекской ССР расселено более 200 тысяч спецпереселенцев из Крыма и Грузии, просили дать указание областным и районным партийным органам, чтобы массовая политическая и разъяснительная работа проводилась также среди спецпереселенцев.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ НКВД УЗССР
ПОДПОЛКОВНИК КИРИЛЛОВ

ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 245, л. 38-40.

РАЗДЕЛ III

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

В третий раздел этой книги вошли материалы акции «УНУТМА» (ПАМЯТЬ), а также свидетельства очевидцев трагических событий депортации 1944, записанные и собранные в разные годы.

Общественная акция сбора свидетельств о депортации крымских татар «Унутма» была объявлена 1 сентября 2009 года Специальной Комиссией Курултая по изучению геноцида крымскотатарского народа и преодолению его последствий. По времени действия она является бессрочной.

На момент написания этой книги в начале 2014 года собрано около 500 комплектов документов с заявлениями и свидетельствами соотечественников о событиях того трагического периода.

В заявлениях имя Председателя Совета представителей крымскотатарского народа при Президенте Украины, народного депутата М. Джемилева содержится просьба реализовать комплекс мероприятий по признанию украинским государством, мировой общественностью геноцида крымскотатарского народа, а также инициировать перед высшими государственными органами Украины принятие мер по привлечению к ответственности лиц, совершивших данное преступление. Как правило, к каждому заявлению прилагается подробное свидетельство о депортации, где очевидец

описывает те горестные события, тяжелейшие и трагические испытания, через которые прошли он сам и его семья. К заявлению и свидетельству очевидцы приобщают и копии различных документов (в том числе и фотографии), подтверждающих приведенные ими факты.

Свидетельства содержат массу интересных сведений, зачастую мало или совершенно неизвестных, расширяя в значительной степени наши знания о способе осуществления депортации из сел и городов Крыма, особенностях этапирования, содержания крымских татар в местах спецпоселений, о практически рабском использовании труда спецпереселенцев и о массовой гибели людей из-за голода, болезней, невыносимых условий жизни. Человек, заполняющий эти документы, описывает только те события, которые он видел собственными глазами. Для того чтобы сделать эти свидетельства наиболее полными, конкретными и точными, чтобы они содержали только факты и максимально уйти при этом от оценок, Комиссия разработала «Вопросник свидетеля депортации 18 мая 1944 года», состоящий из 57 пунктов. Информация, вопросник и образец заявления по акции «Унутма» были неоднократно опубликованы в крымскотатарских газетах и размещены в Интернете.

Комиссия по геноциду изучает поступающие материалы, ведет их регистрацию и систематизацию, снимает с них копии, создает собственный архив, в который кроме документов, поступивших в ходе акции «Унутма», вошли также около 550 воспоминаний о депортации 1944 года, собранные еще в 2004–07 годах.

В своих письмах соотечественники высоко оценивают значение акции «Унутма», высказывают пожелания охватить как можно большее количество крымских татар, являющихся очевидцами депортации. Периодическое размещение в средствах массовой информации наиболее содержательных свидетельств решает не только задачу ознакомления

общества с трагедией крымскотатарского народа, но и поддерживает постоянный и широкий интерес к проводимой акции.

Приток новых свидетельств очевидцев депортации является определенным признанием и одобрением деятельности Комиссии, стремящейся придать акции действительно общенациональный характер. С этой целью она сотрудничает с органами национального самоуправления крымскотатарского народа, Духовным управлением мусульман Крыма, религиозными и общественными организациями крымских татар, прессой и телерадиокомпаниями.

Для обработки и анализа поступающих материалов Комиссия работает над привлечением юристов, экономистов, политологов, социологов, демографов, социальных психологов и других специалистов, которые, будучи глубоко ознакомлены с тематикой депортации и геноцида крымскотатарского народа, смогли бы провести серьезные исследования.

*При подготовке справки
использованы материалы официального сайта
Меджлиса крымскотатарского народа.*

«УНУТМА» – общенародная акция сбора свидетельств геноцида крымскотатарского народа

Обращение Специальной комиссии
Курултая по изучению геноцида крымскотатарского народа
и преодолению его последствий

Уважаемые соотечественники!

Все дальше и дальше уходит от нас 18 мая 1944 года, когда весь крымскотатарский народ был подвергнут тотальной депортации со своей Родины и обречен на десятилетия изгнания.

Бесчеловечные условия комендантского режима, длившегося долгих 12 лет – с 1944 по 1956 годы, голод, эпидемии, репрессии и лишения в местах спецпоселений стали причиной массовой гибели крымских татар, основную часть которых составляли пожилые люди, женщины и дети. Только в первые годы высылки крымскотатарский народ потерял 46,2 % своей численности.

Насильственное удержание крымскотатарского народа в местах изгнания длилось вплоть до ноября 1989 года. На протяжении всего этого времени крымские татары подвергались широкомасштабным репрессиям со стороны советского режима, любые попытки возвратиться на свою Родину пресекались повторными депортациями, арестами и лишением свободы.

Почти полвека крымские татары были лишены права на этническую самоидентификацию – этноним «крымские татары» был извлечен из переписей населения, научного и правового пользования, общественно-политического и культурного обихода. Запрет дошкольного и школьного образования

на родном языке, невозможность развивать культурные и национальные традиции вне своей исторической Родины, дисперсное расселение по всей территории бывшего СССР и запрет на возвращение в Крым привели к катастрофическим последствиям в естественноисторическом развитии крымскотатарской нации, поставили его на грань исчезновения.

Осознание того, что преступление, совершенное коммунистическим режимом СССР в отношении крымскотатарского народа 18 мая 1944 года и последующая государственная политика его удержания в местах высылки, по своему характеру и последствиям является геноцидом, пришло ко многим нашим соотечественникам более полувека назад. С 1960-х годов термин «геноцид» стал открыто использоваться в документах Национального движения, направляемых в органы власти СССР и международной общественности, в проводимых крымскими татарами массовых акциях за право возвратиться на свою Родину, в речах и выступлениях активистов крымскотатарского движения в ходе развязанных против них властью судебных процессов.

10 декабря 2005 года Курултай крымскотатарского народа принял постановление «О признании актом геноцида депортации крымскотатарского народа 18 мая 1944 года, десятилетий насильственного удержания крымских татар в местах изгнания и связанных с этими преступлениями последствий». Этим же постановлением была сформирована Специальная комиссия Курултая по изучению геноцида крымскотатарского народа и преодолению его последствий, которая приступила к системному сбору и публикации воспоминаний очевидцев депортации, исследованию архивов, анализу международного и национальных законодательств, посвященных вопросам правовой квалификации и признания геноцидом преступлений, совершенных против человечности. Деятельность Специальной комиссии регулярно освещается в средствах массовой информации.

Свидетельством признания актуальности и необходимости правовой квалификации преступлений, совершенных советским режимом против крымскотатарского народа, геноцидом, является поручение Президента Украины Виктора Ющенко, данное им Службе безопасности Украины и Генеральной прокуратуре Украины в июле 2009 года. В данном поручении Президент Украины Виктор Ющенко прямо указывает на то, что «по его убеждению, в действиях тогдашних руководителей тоталитарного коммунистического режима во главе со Сталиным и должностных лиц карательных органов СССР есть признаки геноцида».

Во исполнение поручений Президента Украины Службой безопасности Украины, в том числе и в Главном управлении СБУ в Крыму, созданы следственные группы для проведения досудебного расследования всех обстоятельств совершенного преступления.

Понимая насколько важное место в деле изучения и доказательства геноцида крымскотатарского народа занимают свидетельства людей, непосредственно подвергшихся депортации 18 мая 1944 года и на себе испытавших все ужасы спецпоселений, Специальная комиссия Курултая инициирует проведение общенародной акции сбора свидетельств геноцида крымскотатарского народа «УНУТМА».

Целью данной акции является существенное пополнение ранее собранных свидетельств, их систематизация в соответствии требованиями и процедурами, предусмотренными действующим законодательством Украины и направление их для последующего судебного рассмотрения.

Специальная комиссия Курултая обращается ко всем соотечественникам – непосредственным очевидцам и жертвам депортации, с просьбой откликнуться на наш призыв, и как бы тяжело ни было вспоминать те события, составить письменные свидетельства о пережитом ими, членами их семей и близкими людьми.

Специальная комиссия Курултая обращается к ветеранам Национального движения, членам региональных и местных меджлисов, представителям политических и общественных организаций крымских татар, интеллигенции и студентам поддержать и оказать всяческое содействие общенародной акции сбора свидетельств геноцида крымскотатарского народа «УНУТМА».

Вопросник свидетеля депортации
18 мая 1944 года

1. Фамилия, имя.
2. Национальность.
3. Дата рождения.
4. Место рождения (полный адрес).
5. Состав семьи, в которой Вы жили на момент выселения (указать фамилии, имена членов семьи, степень родства, дату рождения).
6. Место Вашего проживания (нахождения) на момент депортации (с указанием адреса и №№ домовладения, квартиры).
7. Ваша деятельность к моменту депортации. Укажите полностью, где учились или кем и где работали.
8. Каким имуществом владела Ваша семья (опишите подробно недвижимое и движимое имущество – дом, квартира, приусадебный участок, хозяйственные постройки и инвентарь, домашнюю обстановку, домашний скот (птицу) и другое)?
9. Был ли мобилизован кто-либо из Вашей семьи и когда в Красную Армию? Укажите степень родства (отец, брат, дядя, иное) мобилизованного в Красную армию члена Вашей семьи?
10. Участвовал ли кто-либо из Вашей семьи в сопротивлении немецким оккупационным войскам (был в партизанском отряде, оказывал помощь партизанам, находился в подполье)?

11. Был ли мобилизован кто-либо и когда из Вашей семьи в Трудовую Армию? Укажите степень родства (отец, брат, дядя, иное) мобилизованного в Трудовую армию члена Вашей семьи?

12. Наблюдали ли Вы какие-то события накануне депортации, которые Вы можете сейчас расценить как подготовку к насильственному выселению?

13. Каким образом 18 мая 1944 года Вам было объявлено о выселении:

а) место, время, обстановка, способ осуществления.

б) зачитывался ли Вам какой-либо официальный документ обвинительного характера?

в) разъясняли ли Вам куда, за что и на какое время Вас выселяют?

г) сколько времени Вам дали на сборы?

д) было ли по отношению к Вам или членам Вашей семье применено физическое насилие в момент или после объявления о выселении?

14. Что из вещей и продуктов и в каком количестве Вашей семье разрешили взять с собой? Согласно постановлению ГКО № 5859сс «О крымских татарах» от 11 мая 1944 года спецпереселенцам разрешалось взять свои личные вещи, одежду, бытовой инвентарь, посуду и продовольствие в количестве до 500 кг на семью. Сообщили ли Вам об этом?

15. Кто и как сопровождал Вас к месту сбора в вашем селе, поселке, городе?

16. Где находилось место сбора выселяемых, сколько людей там было собрано, сколько времени Вас там продержали, как к Вам относились? Когда началась погрузка, на каком виде транспорта и куда отвезли? Было ли конвойное сопровождение?

17. Сколько человек из Вашей семьи (дома) было выселено 18 мая 1944 года? Помните ли Вы случаи физического уничтожения или смерти во время сборов или вывоза выселяемых на железнодорожную станцию?

18. На какую железнодорожную станцию Вас привезли, сколько времени Вас там продержали?

19. Сохранилась ли целостность Вашей семьи при погрузке в вагон?

20. Какие условия были в вагоне эшелона, в котором вас вывозили на высылку:

а) тип вагона,

б) количество семей и людей (укажите, сколько было детей, а также были ли в вагоне беременные женщины или случаи рождения ребенка),

в) обеспеченность туалетом, водой, вентиляцией воздуха,

г) условия для приготовления пищи,

д) остановки и время стоянок,

е) отношение к больным и умершим?

21. Как Вы питались по пути следования? Было ли организовано питание? Если да, то с какой периодичностью? Что из продуктов и в каком количестве выдавалось? Предоставлялись ли вам ежедневно горячее питание и кипяток, которыми согласно постановлению ГКО № 5859сс «О крымских татарах» от 11 мая 1944 года должны были быть обеспечены все эшелоны со спецпереселенцами?

22. Были ли случаи заболеваний по пути следования и лечил ли кто-нибудь больных? Согласно постановлению ГКО № 5859сс «О крымских татарах» от 11 мая 1944 года на каждый эшелон со спецпереселенцами должны были быть выделены один врач и две медсестры с соответствующими запасами медикаментов, которые были обязаны обеспечить медицинское и санитарное обслуживание в пути. Были ли эти медицинские работники в вашем эшелоне, и помните ли какие-либо случаи оказания ими медицинской помощи?

23. Были ли случаи смертей в вашем вагоне или эшелоне в пути следования, и если да, то как поступали с телами умерших, кто и когда их забирал из вагона и хоронили ли их?

24. Время Вашего следования: сколько дней, дата отправления и дата прибытия к месту назначения.

25. В каком направлении двигался состав? Куда он прибыл? Кто и как Вас там встретил, по какому принципу и куда Вас распределили? Удалось ли при этом Вашей семье сохранить целостность?

26. Каким образом Вас доставили со станции в конечный пункт назначения? Как был организован прием и распределение людей по месту прибытия?

27. Каким было отношение местных властей и населения к прибывшим ссыльным крымским татарам?

28. Опишите первые месяцы Вашего пребывания и обустройства в местах ссылки:

а) каким жильем Вас обеспечили, было ли оно пригодным для жизни, имело ли крышу, окна, двери?

б) каким был размер жилой площади, сколько человек и семей обитало в одном помещении? Была ли Ваша семья обеспечена топливом и питьевой водой?

в) выдавали ли Вам продукты, воду, медикаменты и в каком количестве?

29. Предоставили ли Вам бесплатно ежемесячно равными долями на протяжении июня-августа 1944 года согласно постановлению ГКО № 5859сс «О крымских татарах» от 11 мая 1944 года муки, крупы и овощей взамен за оставленные в местах выселения сельхозпродукцию и скот? Если да, то с какой периодичностью и в каком количестве?

30. Обеспечили ли Вас по прибытии согласно постановлению ГКО № 5859сс «О крымских татарах» от 11 мая 1944 года приусадебными участками, оказали ли помощь в строительстве домов местными стройматериалами?

31. Выдавали ли Вам согласно постановлению ГКО № 5859сс в местах спецпоселений денежную ссуду на строительство домов и сельскохозяйственное обзаведение в размере 5000 рублей на семью с рассрочкой до 7 лет?

32. На каком предприятии, стройке, организации, колхозе или совхозе использовался труд членов Вашей семьи:

а) сколько часов в день и на каких видах работ они должны были работать,

б) оплачивали ли им эту работу,

в) на что хватало средств, выплачиваемых (выделяемых) за работу?

33. Наказывали ли Вас или членов Вашей семьи за «нарушения трудовой дисциплины»? Опишите подробно форму наказаний и укажите их исполнителей.

34. Известны ли Вам случаи вербовки (принуждения) представителями комендатуры или иных карательных органов крымских татар в качестве осведомителей? Если известно, укажите из каких категорий спецпоселенцев (бывшие парտработники, женщины, пожилые люди, дети) вербовались осведомители. Насколько эта проблема обсуждалась среди людей?

35. Известны ли Вам случаи насилия женщин и девушек (или принуждения к сожительству) представителями комендатуры, власти или руководителями (бригадирами) хозяйств и предприятий?

36. Могли ли Вы в местах ссылки свободно (без разрешения коменданта) покинуть территорию спецпоселения с целью посетить родственников, воссоединить семью, лечиться, учиться, в поисках работы и др.?

37. Как расценивалось самовольное отлучение территории спецпоселения в 1944–1948 годах, предусматривалось ли за него наказание и какое? С какого возраста и с какой периодичностью Вы были обязаны отмечаться в спецкомендатуре?

38. Сообщалось ли Вам об Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» от 26 ноября 1948 года, предусматривавшего наказание за побег в 20 лет каторжных работ, а за укрывательство и содействие

вание побегу – 5 лет лишения свободы? Способствовал ли этот указ ужесточению комендантского режима?

39. Были ли случаи, когда кто-либо из Вашей семьи был наказан за нарушение режима спецпоселений (за какое нарушение, кем, когда, в какой форме)?

40. Болел ли кто-либо из Вашей семьи в первые годы высылки? Как обстояло дело с медицинской помощью: лечением, санитарным обслуживанием, обеспечением лекарствами?

41. Умер ли кто-либо из Вашей семьи и родственников вследствие болезней? Где произошла смерть – дома или в лечебном учреждении?

42. Была ли на территории вашего спецпоселения массовые эпидемии болезней? Каких болезней? Известно ли Вам сколько людей и умерло от болезней по месту вашего спецпоселения? Как и кто обращался с телами умерших, хоронили ли их?

43. Голодала ли Ваша семья? Если да, то чем была вызвана нехватка продуктов питания? Оказывали ли власти помощь в обеспечении продуктами питания и в каком количестве? Умер ли кто-либо из Вашей семьи и других родственников от голода?

44. Был ли голод массовым явлением на территории вашего спецпоселения? Кто и как поступали с телами умерших от голода, хоронили ли их?

45. Если кто-либо из Вашей семьи служил в Красной Армии, укажите кто, когда, откуда он демобилизовался, когда смог разыскать и воссоединиться с высланной семьей?

46. Если кто-либо из Вашей семьи был мобилизован в Трудовую Армию, укажите кто, когда, откуда он демобилизовался, когда смог разыскать и воссоединиться с высланной семьей?

47. Имели ли Вы возможность учиться в учебных заведениях: в школах, ПТУ, техникумах и вузах?

48. Сколько классов Вы закончили в школе? На каком языке велось обучение в школе? Смогли ли Вы продолжить дальше свое образование?

49. Ощутили ли Вы на себе какие-либо запреты или ограничения на обучение на определенные специальности?

50. Были ли условия в местах спецпоселений в 1944–1956 годах для развития крымскотатарской культуры, языка и искусства (выпуска газет, журналов, книг, радиопередач, открытия классов, школ на родном языке, клубов, театров, ансамблей, музеев, учебных заведений)?

51. Разрешалось ли в местах спецпоселений свободно соблюдать национальные традиции, обычаи, отмечать национальные и религиозные праздники, совершать открыто религиозные обряды – намаз, дуа, а также никях и дженазе в соответствии с канонами Ислама?

52. Могли ли Вы публично и свободно обсуждать как между собой, так и с представителями власти вопросы возвращения на родину – в Крым, составлять и направлять письма, петиции с требованием отмены правовых актов, нарушивших индивидуальные и коллективные права (т. е. права целого народа), восстановления государственности крымских татар – Крымской АССР?

53. Произошли ли какие-то существенные изменения после выхода Указа ПВС СССР от 28 апреля 1956 года, согласно которому с крымских татар и некоторых других депортированных народов были сняты ограничения по спецпоселению, но не давалось право на возвращение имущества, конфискованного при выселении, а также право на возвращение в места, откуда эти люди были выселены?

54. Расскажите очень кратко, как сложилась ваша жизнь в местах высылки после 1956 года?

55. В каком году Вы смогли вернуться на родину – в Крым?

56. Укажите адрес вашего проживания, телефонные контакты.

57. Укажите дату составления настоящего свидетельства и поставьте свою подпись.

Выступление
заместителя председателя
Специальной Комиссии Курултая по изучению
геноцида крымскотатарского народа и преодолению
его последствий Гульнары Бекировой
«Проблема признания геноцида крымскотатарского
народа: исторический аспект»
на сессии Курултая крымскотатарского народа
(22 декабря 2006 г.)

Уважаемые соотечественники, делегаты и гости Курултая!

В своем выступлении я попытаюсь представить некоторые мои размышления и сомнения относительно перспектив работы комиссии с точки зрения историка.

Квалификация депортации и постдепортационного периода истории крымских татар как геноцида отнюдь не новация. Это – один из вечных сюжетов крымскотатарского национального движения. Не раз встречается он в документах движения, а, например, Айше Сеитмуратова в своих репортажах, сделанных на западных радиостанциях, неоднократно называла случившееся с крымскими татарами геноцидом.

Мустафа Джемилев на суде в январе 1970 г. сказал: «Я с полным основанием обвиняю советское правительство в проведении по отношению к крымскотатарскому народу политики национально-культурного геноцида, то есть политики, направленной на уничтожение национальной культуры и самобытности крымскотатарского народа». Тем не менее, то, что является непреложной истиной для крымских татар, совсем не очевидно для всех остальных.

Термин «геноцид», образованный от греческого *genos* – род, племя и латинского *caedo* – убиваю, ввел в обиход

польский юрист, по происхождению еврей, Рафаэль Лемкин в книге «Axis Rule in Occupied Europe», изданной в Вашингтоне в 1944 г.

Юридический смысл этого термина был расширен в международной Конвенции «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» (далее – Конвенция о геноциде. – Г. Б.). Конвенция о геноциде наряду с Всеобщей Декларацией прав человека является одним из базовых документов современности по правам человека.

Посмотрим, можно ли квалифицировать то, что случилось с крымскотатарским народом в XX веке, как акт геноцида в свете Конвенции о геноциде. Статья I Конвенции гласит: геноцид является преступлением, «независимо от того, совершается ли он в мирное или в военное время». Это положение Конвенции особо значимо для народов, депортированных из мест их исконного проживания в период войны 1941–1945 гг. Данная статья Конвенции фактически опровергает и сегодня популярные в некоторых кругах аргументы о том, что геноцид в отношении «наказанных народов» был продиктован условиями военного времени.

Статья II документа содержит дефиницию того, что же такое геноцид в интерпретации Конвенции: «...Под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- a) убийство членов такой группы;
- b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- c) предумышленное создание для какой-либо группы жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное фактическое уничтожение ее;
- d) предотвращение деторождения среди членов группы;

е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую».

Всякое преступление предполагает наказание. Согласно статье III Конвенции наказуемыми являются следующие деяния:

- а) геноцид,
- б) заговор с целью совершения геноцида,
- с) прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида,
- д) покушение на совершение геноцида,
- е) соучастие в геноциде.

При этом наказанию за совершение этих деяний, согласно статье IV, подлежат лица независимо от того, являются ли они ответственными по конституции правителями, должностными или частными лицами.

Как сегодня хорошо известно, в отношении крымских татар как целостной группы были совершены действия, повлекшие за собой массовую гибель значительной её части. Как минимум, пункт с) статьи II (предумышленное создание для какой-либо группы жизненных условий, которые расчитаны на полное или частичное фактическое уничтожение ее) – дает определенные основания квалифицировать случившееся с крымскими татарами как геноцид.

И все же есть ряд сомнений, на которых я хочу остановиться.

Мы должны ясно осознавать всю сложность предстоящей работы. Недавнее обсуждение в Верховной Раде Украины Закона «О признании голодомора 1932–33 года геноцидом» в полной мере подтвердило все мои опасения. Представители Партии Регионов и коммунисты озвучили практически весь арсенал возражений, с которыми непременно столкнется при подаче документов о признании геноцида крымско-татарского народа и наша Комиссия. Как мы знаем, Закон все-таки был принят, но не стоит забывать, что за ним стояли Президент, серьезные политические силы и основательная

исследовательская работа. В нашем случае подобных предпочтений нет – за исключением, может быть, определенной исторической базы.

Нельзя назвать благоприятной и политическую обстановку, в которой мы начинаем эту работу. В Украине наблюдается заметная тенденция к реваншу политических сил, которые еще пятнадцать лет назад, как нам казалось, вымрут как динозавры. До сих пор не состоялся Суд над коммунистической партией – и это серьезно затрудняет любые шаги по осуждению преступлений коммунизма – не менее масштабных, нежели преступления нацистов. Вспомним, что признание мировой общественностью Холокоста – геноцида евреев в период Второй мировой войны – это в значительной мере следствие Нюрнбергского процесса и денацификации – комплекса мероприятий по кардинальному искоренению фашизма как такового. До сих пор не состоялся аналогичный по результатам процесс декоммунизации – очищения от наследия коммунистического режима и запрещения коммунистической партии.

Факт «предумышленного», «целенаправленного» характера народоубийства мы не найдем ни в одном из официальных документов, связанных с депортацией крымских татар, и это, пожалуй, один из веских аргументов наших оппонентов. А Конвенция о геноциде ничего не знала о таком явлении, которое я назвала «советский геноцид».

Попытаюсь обосновать, что я обозначаю как «советский геноцид», или «геноцид по-сталински». Возможно, эти исторические размышления будут полезны для создания будущих документов.

Итак, есть ли различие между геноцидом Гитлера – а именно преступления фашизма инициировали принятие Конвенции о геноциде – и массовыми депортациями народов Сталина? Правомерно ли сталинские акции против народов относить к геноциду?

Неприхотливая нацистская идеология цинично и откровенно пропагандировала принципы ненависти к отдельным

народам и группам – евреям, цыганам, славянам, коммунистам, поставив во главу мира фигуру истинного арийца – высшее и самое совершенное достижение человечества. Те, кто отличался от этого прекрасного идеала, уничтожались нацистами без малейшего зазрения совести и душевных терзаний...

Сталинская идеология была гораздо более изощренной. Не было народов более счастливых, чем советские, не было Конституции более демократичной, чем сталинская... Демократия по-сталински пропагандировала принципы интернационализма и равенство всех народов. Но это вовсе не мешало сталинскому режиму обрекать некоторые из них на погибель. В системе ценностей, построенной Сталиным, ни конкретный человек, ни народ ровно ничего не значили – все было подчинено интересам Государства. Следовательно, как для убийства отдельных людей, так и для уничтожения целых народов требовалось изыскать лишь одну мотивацию, легитимирующую эти действия, – «в интересах Государства».

Геноцид по-сталински – это геноцид исключительно на деле и в фактах. Но тщетно искать прямые указания на уничтожение, они замаскированы под красивыми и правильными лозунгами, а сам вождь при этом мимикрирует то под одну, то под другую благообразную личину – например, «строного, но справедливого Отца народов». В высшей степени лицемерный сталинский режим не только вконец запутал современников, но и обеспечил себе почитателей на многие десятилетия вперед – уже после того, как стали известны поистине чудовищные цифры преступлений Сталина против собственного народа.

Ситуация с крымскими татарами, безусловно, отвечает не столько букве, сколько духу Конвенции о геноциде. Не случайно один из специалистов в области теории и политической практики геноцида в XX веке Лео Купер относит этнические депортации в СССР к «родственным» геноциду «злодеяниям».

Но для того чтобы «поймать за руку» Сталина – этого серийного убийцу XX века, избличив его в очередном

преступлении – геноциде крымскотатарского народа, Комиссии потребуется приложить немало усилий по поиску неопровержимых улик и доказательств. Например, таких, какие зафиксированы в сводке НКВД рокового 1944-го:

«Лучше бы Советское правительство расстреляло нас всех, чтобы мы не мучились, как это делали немцы с евреями»... (это слова трудармейца лагеря «Волгострой» Муединова Эбульсувута после получения письма о смерти четырех родственников от голода в местах спецпоселений в Узбекистане).

«Выселение из Крыма татар есть негласное их убийство. Зачем расстреливать, когда можно людей работой и условиями довести так, что они перемрут» (вторил ему трудармеец лагеря «Волгострой» Кадыров Бенсеит).

Мы может только догадываться, как бы звучал текст Конвенции о геноциде, если бы не «железный занавес», который в буквальном смысле «закрыл» от мировой общественности факт наличия советского геноцида. Но в то время, когда советские дипломаты подписывали Конвенцию о геноциде, мир не знал, что в восточных районах СССР гибли тысячи людей, по той лишь причине, что они были – крымские татары, чеченцы, ингуши, калмыки, балкарцы и многие другие, кто не подпадал под сталинское представление о благонадежности.

Таким образом, мы призываем к ответу Историю – как главного свидетеля обвинения. Очевидно, документы, которые будут представлены на суд мировой общественности, должны недвусмысленно, фактографически точно и взвешенно рассказать миру о трагедии крымскотатарского народа.

Но уже сейчас можно не сомневаться: несмотря на все трудности, о которых говорилось выше, деятельность Комиссии по изучению геноцида будет стимулировать исторические исследования и способствовать распространению среди мировой общественности информации о трагической судьбе коренного народа Крыма.

№ 1

Свидетельство о депортации
Джафера Эмирاليةва

Я, Эмирاليةв Джафер, крымский татарин, 3 января 1932 года рождения. Уроженец деревни Юкъары Каралез Куйбышевского района Крымской АССР.

Состав семьи на момент депортации: мать – Эмине Эмирاليةва (1909 г. р.), бабушка Фатиме (1870 г. р.), тетя (жена младшего брата отца) Мабубе (1927 г. р.), я, братья Хайсер (1936 г. р.), Айдер (1940 г. р.) и сестра Шерифзаде (1942 г. р.). На момент депортации наша большая семья проживала в дер. Юкъары Каралез в домах под № 59 и № 60. В деревенской школе с преподаванием на родном языке в 1941 г. я закончил 3-й класс.

В 1944 году семья жила в двух домах – один старый дом и новый дом, у нас было 20 соток приусадебного участка – огромный сад и огород. Из домашнего скота были корова, 15 коз, 10 овец с молодняком, 2 десятка кур.

Брат отца Аблямит, который жил вместе с нами, был призван в Красную Армию в начале войны. Отец Эмирالية Ибраимов (1903 г.р.) был инвалидом (плохо слышал), в конце апреля 1944 г. был мобилизован в Трудовую Армию. Также призвали в Трудовую Армию и дядю Аблямита, который оказался дома.

Сразу после освобождения нашего села от фашистских захватчиков весь 2-й этаж нового дома заняли два офицера Советской Армии. К ним постоянно приходили солдаты, и эти офицеры писали что-то (потом мы поняли, что они составляли списки проживающих в деревне). Нас в дом не пускали, все было строго засекречено.

К 18 мая 1944 г. мы жили в подвале старого дома. На рассвете к нам постучали два вооруженных солдата. Тетя вышла к ним, и они сказали: «За измену Родине по приказу Сталина вас высылают», не разъясняя куда и на какое время. Нам дали 15 минут на сборы. Никаких постановлений не было зачитано, не объяснили сколько и что нужно брать.

Мы были все в шоковом состоянии, успели схватить кое-что из продуктов и вещей. Мать с маленьким ребенком на руках, бабушка была немощна, взяла маленький узелок и Коран. Из детей старший я, успел взять котел, ведро, насыпал немного фасоли. Тетя взяла кое-какие вещи и одеяло. Через указанный срок нас выгнали на улицу и погнали на место сбора Ат-ахыр (Конный двор), который находился на окраине деревни. Все это время нас сопровождали 2 солдата с автоматами.

К моменту депортации в нашей деревне насчитывалось 122 семьи крымских татар. Когда мы пришли к месту сбора, там уже были почти все наши деревенские. Мы все были под пулеметным прицелом, со всех сторон окружили вооруженные солдаты. Даже выйти по нужде можно было под сопровождением солдата. Нас держали там до обеда. После обеда на «студебеккерах» и «пятитонках» начали вывозить из деревни. К каждой машине был прикреплен вооруженный солдат, который сидел в кабине. Везде слышны плач, крики, оскорбления солдат. Стоял хаос и ужас, страшно вспомнить те часы горя и трагедии. Нашу семью вывезли последними. До сих пор перед глазами как уводил нашу корову дядя Вася из деревни Буюк Сюрен.

Не подъезжая к станции города Бахчисарая, нас высадили у железнодорожного полотна. Продержали там 2 часа. К вечеру подогнали эшелон с грузовыми вагонами и нас начали загружать в них. В нашем вагоне было 12 семей, все жители деревни Юкъяры Каралез. Те семьи, которые вывезли раньше нас, попали кто в Костромскую область, кто в Наманганскую область, а мы попали в Самаркандскую область.

Никаких условий в вагоне не было. Туалет сделали сами люди: в уголке вагона пробили дырку в полу и огородили куском тряпки. Сами добывали воду на редких остановках, бегали, искали ее. На этих же остановках из нескольких кирпичей быстро сооружали очаг, где готовили из припасов, которые смогли взять с собой. Не успели приготовить, гудок паровоза, и все бегут в свои вагоны с полусырой едой, на ходу запрыгивая в вагон. На остановках могли стоять и 10 минут и по часу. Никто не объявлял, сколько будем стоять. Были случаи отставания от вагонов, я тоже чуть было не отстал, помог солдат.

Мы слышали, что в других вагонах были умершие, но у нас таких случаев не было. Помню, что временами (примерно 5–6 раз за все время пути) давали какие-то похлебки, но регулярности не было.

Никаких врачей, санитаров в пути следования я не видел и не было, это я могу сказать с уверенностью. В пути люди из вагонов все завшивели. Никаких средств, чтобы избавиться от вшей, нам не выдавали. В разбитое окно вытаскивали одежду и вытрясали, вши сыпались, как песок. Случаи смерти в нашем вагоне не были.

В пути мы были 22 дня, на конечную станцию прибыли 10 июня. Наш состав остановился на станции города Каттакурган Самаркандской области Узбекской ССР. Выгрузили на перрон, погнали всех мыться в баню. По приказу солдат заставили раздеться всем, и женщинам, и мужчинам, и старикам, и детям. Всех загнали в баню, а вещи свалили в общую кучу на дезинфекцию. После бани мы с трудом разобрались с вещами, оделись, и нас сразу же погрузили на машины и повезли за 40–50 километров в районный центр Митан. Там нас встретили на арбах представители колхозов, так называемые «покупатели». Все 12 семей из вагона попали в колхоз им. Ахунбабаева, где распределили по домам. Мы попали к одинокому старику-узбеку, который очень сочувственно

отнесся к нам, помогал чем мог. Его забота и помогла нашей семье в тяжелые первые времена депортации. Он запретил пить нам сырую воду из арыков, и научил пить кипяченую воду. Комната, в которую нас поселили, была большая, окон не было. Зимой валили деревья и топили помещение.

Мы, крымские татары, у себя на родине, в Крыму, пили чистую воду из источников, а в Узбекистане, в первые дни пили грязную, мутную воду из арыков, жара заставляла нас пить из любых источников. Это и погубило многих из нас, кишечные заболевания унесли многие жизни.

Местные жители к нам относились доброжелательно, случаев издевательств не помню.

В июле месяце местные власти стали выдавать паек зерном, но не регулярно, затем и вовсе прекратили. По прибытию никакими стройматериалами нас не обеспечили. Узбеки сами жили очень бедно, в полуразваленных хижинах.

Весной 1945 года председатель колхоза Касым Тавлык вызвал глав семей спецпоселенцев и заявил, что на каждую семью выдается ссуда со стороны государства (сумму не сказал). И предложил всем собраться и пойти на рынок, чтобы он купил на эти деньги коров. Не всем успели купить, никто не знал, сколько денег выдали, за сколько купили – все строилось на обмане. Нашей семье досталась корова, за нее мы платили 5 лет ссуду. В 1947 г. Советское государство провело реформу денег, и мы были вынуждены платить за ссуду уже в 10-кратном размере.

На 3-й день после прибытия на место поселения бригадир Мейликул-ака заявил мне, что я должен выйти на работу. Мне дали лошадь, и я с ней работал на хлопковом поле. Работал по 10–12 часов в день. За трудодень мне выдавали продуктами питания, тканью. Денег я не видел. Мама и тетя в первые месяцы депортации работали в местпроме рабочими.

От нашего кишлака до райцентра Иштыхан было 7 километров, и только с разрешения коменданта можно было

раз в неделю в воскресный день попасть на рынок. Через каждые 15 дней ходили к коменданту Топырику на подписку. В 1948 году комендант прочитал указ «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного поселения...», после этого указа ужесточился комендантский режим.

В первые годы высылки каждый член нашей семьи перенес заболевание малярии. По кишлаку специально ходили санитары из тропстанции и выдавали хинин, акрихин, в некоторых случаях делали уколы. В 1944 году осенью дома после укола против малярии от заражения крови умерла моя сестренка Шерифзаде. Ее похоронили на сельском кладбище, на следующий день увидели, что ее могилка вскрыта и труп съеден шакалами.

В нашем кишлаке все депортированные перенесли заболевания малярией, дизентерий и тифом. 1944 г. летом от этих болезней погибло примерно 20 человек. А зимой и весной 1944–1945 гг. тиф косил всех подряд. У наших соседей из 6 членов семьи 3 умерли от тифа.

Наша семья, так же, как и все депортированные крымские татары, голодала. Но дядя Мемет, который жил и работал в России, разыскал нас и помог с деньгами. И наша семья выдержала голодные первые годы. Со стороны властей никакой, повторяюсь, помощи не было.

В 1946 году из Трудовой армии по состоянию здоровья вернулся мой отец. После возвращения отца у нас жизнь более-менее наладилась. Отец начал работать в колхозе, а я пошел учиться в узбекскую школу. Там я закончил 9 классов. Учился на узбекском языке. После по вербовке пошел работать на стройку суперфосфатного завода в городе Самарканде. Там же получил среднее образование и в 1953 году поступил в пединститут на физико-математический факультет в узбекскую группу. От места стройки до города было расстояние более 10 километров, и нам, спецпоселенцам не разрешали ездить в город без разрешения коменданта.

До 1956 года мы не думали о развитии культуры и искусства крымскотатарского народа, мы выживали в страшных условиях, в которые нас кинула Советская власть. Не разрешалось проводить национальные традиции и праздники.

После Указа 1956 года жизнь депортированных в местах спецпоселения стала немного налаживаться. Но меня не устраивали ограничения, приведенные в этом Указе, и главное – возвращение на Родину.

В Крым смог вернуться только в августе 1988 года.

*24 августа 2009
Эмиралиев Джафер*

*Подготовка и редакция свидетельства
Дж. Эмиралиева выполнена Эльведином Чубаровым*

№ 2

Свидетельство о депортации
Таира Халилова

Я, Халилов Таир Бекирович, крымский татарин, родился 6 сентября 1940 г. в деревне Карабай (ныне Возрождение) Старо-Крымского района Крымской АССР.

При депортации семья состояла из 7 человек:

мать – Халилова Фатиме (1893 г. р.),

отец – Халилов Бекир (1892 г. р.),

сестра – Халилова Амиде (1927 г. р.),

брат – Халилов Эмирсале (1930 г. р.),

брат – Халилов Халит (1934 г. р.),

брат – Халилов Джемал (1936 г. р.).

18 мая 1944 года двое солдат с автоматами наперевес и сопровождающий их офицер из состава войск НКВД в 4 часа утра ворвались в дом. Офицер коротко зачитал постановление ГКО о выселении и дал на сборы 15 минут. Отец и мать, растерявшись, едва успели нас одеть и обуть. Фактически с собой ничего не успели и не дали взять. Отец захотел прихватить с собой сепаратор, по тогдашним меркам большое богатство, но ему запретили. Отец был известным специалистом по табаководству и дважды побывал на ВДНХ в Москве, оттуда он и привез этот сепаратор, единственный в селе. Всё село ходило к нам сепарировать свое молоко. Кроме сепаратора, в хозяйстве держали дойную корову, теленка, бычка, 5–6 баранов и кур. Но, самое главное, по словам отца, он не успел забрать – спрятанные в тайнике под подоконником семейные реликвии и ценности: золотые дукаты, украшения и деньги. Конечно, все это богатство бесследно исчезло. Отец еще намеревался выпустить корову из хлева, но получил удар прикладом.

Всех жителей села собрали в сарае, где сушили известный крымский табак «Дюбек», который выращивал отец. Там в окружении вооруженных солдат продержали до обеда. Все думали, что поведут на расстрел. Но откуда-то понаехали американские «студебеккеры», советские ЗИСы и полуторки. Всех погрузили на машины и под конвоем привезли на железнодорожную станцию Ислям-Терек (ныне Кировск) и буквально затолкали в товарные, вонючие так называемые «телячьи» вагоны.

Надо ли говорить о том ужасе, шоковом потрясении и воплях, которыми сопровождалось это «важное, государственное мероприятие»?..

В пути следования эшелона, продолжавшемся почти месяц, как и в местах насильственного поселения, люди умирали от голода, болезней, от невыносимых душевных мук и от несчастных случаев. Например, в нашем вагоне женщина с шестилетней дочкой погибли от того, что ночью на них сверху свалились плохо закрепленные доски от нар с лежащими на них людьми. А на какой-то станции двое голодных подростков на привокзальном рынке стащили не то пару пирожков, не то пару булок, их схватили и забили насмерть.

В дороге никому никакой медицинской помощи не было оказано. Нужду справляли в ведре, огороженном в углу вагона. Можно себе представить антисанитарию, царившую в вагоне, битком набитом стариками, женщинами и детьми.

Людей в течение месяца в страшных антисанитарных условиях морили голодом (на всем протяжении пути 2–3 раза давали «уху» из протухшей рыбы) и целенаправленно держали в ограниченном пространстве. Фактически в тюрьмах на колесах, до полного истощения, а потом грязных, больных и завшивевших, обрекали на верную голодную и мученическую смерть уже в местах спецпоселения. Они заранее до мелочей продумали, как незаметно ликвидировать целый народ, чтобы отнять его землю. Нет, они не умерщвляли нас

в газовых камерах, но придумали более изощренный способ уничтожения: скотские вагоны и спецпоселения, где убивали медленно, но наверняка.

Нашу семью поселили в Костромской области Макарьевском районе в лесной глухомани, куда когда-то Иван Сусанин завел поляков... В прямом и переносном смысле. Поселили в почерневших и кишаших клопами и тараканами деревянных бараках, в которых до нас жили зеки. Но заключенных как-никак кормили, а нас нет. Работоспособных юношей и девушек, скорее подростков, погнали на лесоповал, потому что мужчины воевали на фронтах. А молодежь, устраивая на нее облавы, как на зверей, вылавливая и так же загнав в товарняки, увезли в рабство в свой фатерланд немецкие оккупанты.

Свирепствовал тиф. Истощенные от голода и болезней, от лютых морозов, снедаемые тоской по Родине, брошенные на произвол судьбы и властей, люди умирали семьями. Старшая сестра Абдишева (Халилова) Зейнеп, ее муж Абдишев Сеитумер и их трехлетний сын Абсеттар умерли от туберкулеза. Через год от тифа умерла и наша мать. Ее дети тоже переболели тифом, но каким-то чудом выжили. Отец в отчаянии «сбежал» в Узбекистан в поисках выхода, там его поймали и за «побег», за нарушение комендантского режима дали 20 лет лагерей.

Разумеется, я тогда был маленьким, и не всё запомнилось, кроме некоторых эпизодов, врезавшихся в детскую память. Все подробности депортации и ужасы тех лет рассказываю со слов ныне покойной сестры, которая помнила досконально все перипетии высылки.

Оставшись без родителей, мы были обречены, но нас, как это ни звучит парадоксально, спасло то же «милосердное» советское государство: нас определили в детский дом и сохранили нам жизнь. Я вырос в детском доме уже в Узбекистане. Каким надо быть иезуитом, чтобы, лишив Родины,

убив родителей, уцелевших детей взять под свою опеку! Что может быть гнуснее этого! В детском доме каждый вечер на линейке мы дружно пели: «За детство счастливое наше, спасибо родная страна».

Окончил среднюю школу на русском языке. Отслужил в армии и поступил в Ташкентский с/х институт. В 1969 году, окончив институт и отработав два года в садвинсовхозе «Ахангаран-2» Ташкентской области, с дипломом на руках по специальности ученый агроном плодовоовощевод-виноградарь, в 1971 году приехал в Крым. В Симферополе в садвинтресте встретили чуть ли не с распростертыми объятиями. Видимо, сначала приняли за узбека или азербайджанца. Но у взявшего в руки мой «волчий» паспорт начальника отдела кадрами глаза полезли на лоб.

– Вы, оказывается, крымский татарин... – вырвалось у него.

– Ну и что, что я крымский татарин? – отреагировал я. – Я же не говорю, что Вы – еврей.

– Поговори у меня, – нахмурил он брови и позвонил в милицию.

Начальник милиции без всяких обиняков спросил:

– Зачем приехал в Крым?

– Я здесь родился. Я агроном, приехал сады разводить, – ответил я.

– Я тебе покажу, как сады разводить! Сутки даю, чтобы покинул Крым, – пригрозил он.

Потом еще были попытки вернуться на Родину и всякий раз мне показывали «от ворот поворот» лишь потому, что я крымский татарин.

Насчет осведомителей. Они были, есть и будут. Они «глаза и уши» любого государства. Но есть стукачи-информаторы и есть доносчики-провокаторы, которые собирают на тебя компромат, чтобы потом погубить. Ими особенно пользовались в бывшем СССР. Они были и есть и среди нас.

Считаю, что акция «Унутма» запоздала по меньшей мере на 20 с лишним лет, потому что свидетелей остались единицы. Мне, которому при депортации было всего четыре годика, уже 70! Какой может быть суд по истечении 65 лет депортации, когда почти всех депортированных уже нет в живых. А потом, кого судить? Сталина и его приспешников – палачей, непосредственных виновников нашей трагедии? А судьи кто? Не лучше ли украинскому государству восстановить наши погрязшие права и реабилитировать нас не посмертно, а живых! Коль уж Украина объявила себя независимым и демократическим государством, пусть придерживается международных норм.

Если акция «Унутма» будет очередным фарсом и очко-втирательством, не простит ни Бог, ни народ.

В Крым я вернулся в мае 1990 года. Проживаю в Советском (Ичкинском) районе, селе Пушкино (Эссен-Эли)

[точный адрес и телефон в редакции сайта]

20 сентября 2009 г.

Халилов Таир Бекирович, член Союза писателей Украины.

Постскрипtum. Ко всему сказанному могу приложить как веский документ геноцида нашего народа – свою повесть «Отнятая Родина». На родном языке ее опубликовали в журнале «Йылдыз», 2008 г., № 1–6 и 2009 г. № 1.

Есть русский вариант, то есть написанная на русском языке. Повесть построена на действительных жизненных событиях и неопровержимых фактах.

И еще. Старший брат Бекиров Ильяс (фамилия по имени отца) до войны служил в Харьковской области г. Балаклея, оттуда ушел на фронт и не вернулся.

Редактура свидетельства

Т. Халилова выполнена

Эльведином Чубаровым

№ 3

Свидетельство о депортации
Пугина Владимира Николаевича
(Планжиева Нури)

Я, Пугин Владимир Николаевич, крымский татарин, родился 27 декабря 1937 года, уроженец села Буюк Ламбат (Малый Маяк) г. Алушты Крымской АССР.

Мой родной отец – Планджиев Шабан Асанович и родная мать – Полещук Ольга Корнеевна.

В связи с моим очень болезненным состоянием меня усыновила в 1939 году сестра отца, Пугина Сая Асановна, и ее муж Пугин Николай Сергеевич, который работал на ответственной работе, был шеф-поваром в правительственном санатории горняков «Красное Криворожье» и имел связи с влиятельными врачами того времени. Благодаря им я смог выжить и был принят в их семью, так как у Сайе Асановны не могло быть детей.

Во время войны я проживал в доме бабушки Планджиева Асана в селе Буюк Ламбат, т. к. мой приемный отец Пугин Николай Сергеевич, хотя имел «броню», то есть мог не участвовать в действующей армии, с 1941 г. воевал за Севастополь, где и погиб 23 мая 1942 г.

На момент выселения в нашу семью входили:

Пугина Сая (Сайде) Асановна, мать,

Планджиев Асан (1879 г. р.), бабушка,

Планджиева Эсма (1885 г. р.), бабушка.

Семья проживала по адресу: с. Буюк Ламбат, г. Алушта, ул. Утренняя, в доме из четырех комнат с очень хорошей обстановкой, мебелью и вещами. Имели приусадебный участок, хозяйственные постройки и с/х инвентарь, домашний скот (корову, овец, коз, курей).

Из моих родственников в Красной Армии находились:
родной отец Планджиев Шабан Асанович, 1914 г. р., был ранен на Перекопе, вернулся в село, вылечен тайком от немцев, помогал партизанам;

дядя Планджиев Мемет Асанович, примерно 1920 г. р., был призван в Красную Армию в 1939 г., – танкист, дальнейшая судьба не известна;

тетя Планджиева Фатъма Асановна, 1922 или 1923 г. р., служила в Красной Армии на протяжении всей войны 1941–1945 гг., была связисткой, имела награды. Принудительно отправлена в Среднюю Азию в 1945 году после демобилизации;

дядя Планджиев Али, лётчик, воевал, был ранен в боях под Житомиром, вылечился и после войны остался в Житомире, работал в гражданской авиации начальником полетов;

дядя Планджиев Рустем Асанович, 1926 г. р., был смертельно ранен немцами на глазах своего отца, Планджиева Асана, который на его просьбу принести попить воды перед смертью, был ранен в четырех местах. С этими ранами мой дедушка был депортирован в Среднюю Азию, где от ран и умер в 1945 году;

дядя Сеферов Идрис, 1900 г. р., участвовал в гражданской войне под командованием Котовского, затем в финской войне и в ВОВ, имел много правительственных наград. С 1921 по 1975 г. проживал с семьей в Киеве. В 1968 году, несмотря на все его заслуги, за его национальное происхождение, ему не дали отдохнуть по путевке в санатории в Крыму, потребовав в 24 часа покинуть Крым. Он приезжал в Среднюю Азию к матери и родственникам, я хорошо помню его рассказы о войне;

дядя Тахтаров Осман, участник ВОВ, капитан 2-го ранга, имел боевые награды. Умер в Вологде в 1985 г.;

дядя Планджиев Сейдали, лётчик, воевал на фронте в ВОВ;

дядя, Планджиев Мамут, лётчик, воевал на фронте в ВОВ, был контужен, после войны принудительно отправлен в Среднюю Азию, г. Колхозабад Таджикской ССР.

Единственный, кто из моих дядей не участвовал в ВОВ, был Планджиев Халит, который был репрессирован за то, что на собрании сказал о том, что не хочет работать в колхозе, а желает перейти на работу в совхоз. За это его посадили на 10 лет, которые он полностью отсидел.

После освобождения Крыма от немцев весной 1944 года мой родной отец Планджиев Шабан был мобилизован в трудовую армию в Куйбышев, откуда где-то в 1948–1949 гг. вернулся в Среднюю Азию, в г. Янгиюль, к своим родственникам.

А оставшиеся семьи родственников, которые я помню: Сеферовой Зюренге (8 человек), Сеферова Усеина (7 человек), Сеферова Энвера (3 человека), семья Джетере (9 человек), Аджиумеровых (5 человек), Адылова Нижяти ага – были депортированы 18 мая 1944 года вместе с нами.

Хорошо помню, как в 1941 году, играя с ровесниками на горе, видел, что все море было вплотную заполнено кораблями (чьими, не знаю). Затем нас детей прогнали с горы и установили зенитки, при выстрелах которых вылетали стекла из окон. После нескольких попыток восстановить стекла в окнах дедом, они были заколочены досками. В одной из бомбежек я получил сотрясение мозга, поэтому в школу пошел с 11 лет.

Мама Сайде рассказывала, что 17 мая к ней приходил офицер, друг Пугина Н. С., и сказал: «Сая, завтра вас будут выселять. Но ты можешь остаться со мной и помни, что за разглашение военной тайны ставят к стенке. Первую пулю пуцу тебе, а вторую – себе». А на вопрос: «А как же родители?», ответил: «О них забудь». Мама не согласилась, а дед Асан сказал, что он провокатор, и хотел заявить на него. Мама еле уговорила его дожждаться до утра. А утром пришли солдаты... Мама Сайде вручила мне узелок и все просила, чтобы я его не выпускал из рук. И только позже, когда

помогал маме менять драгоценные вещи на продовольствие, узнал, что было в этом узелке. Часы, браслеты, монеты спасли моих родственников (11 человек) от голодной смерти. Единственную вещь – награду отца – мать сохранила. Я ее храню, как память об отце.

18 мая меня с матерью Сайде, дедом и бабушкой Планджиевыми погрузили в машину и вывезли из Буюк Ламбата. Родная мать – Полещук Ольга Корнеевна с детьми Эмине (1936 г. р.), Османом (1939 г. р.) и родителями Корнеем и матерью Ариной остались в Крыму, как русские. Я их увидел летом 1958 года, когда с матерью Сайде приехал в Крым, где нам дали 24 часа на пребывание.

А 18 мая нас погрузили в товарный вагон с открытыми дверями. Люди сидели друг возле друга, сильно воняло. Мать кормила меня, чем могла. Никакой медицины. Трупы выбрасывали из вагонов либо на ходу, либо на остановках. Помню, что вовремя остановок, когда люди бегали в поисках воды, поезд неожиданно трогался, и были не успевшие запрыгнуть в вагоны, отставали от поезда. Где-то в песках, поезд стоял на путях полукругом, я хорошо помню, как какой-то человек, стоявший в вагоне в хвосте поезда, снимал весь наш состав с камеры, установленной на треноге. Сколько суток были в пути, не знаю, но помню, что долго.

По прибытию в Узбекистан нас погрузили с вагонов на лодки, перевозили через разлившуюся р. Чирчик. Лодки были сильно перегружены, и мы мамой все время переживали, что они перевернутся. Потом, сколько я там жил, такого количества лодок не видел.

Выгрузили на берегу канала с заросшим камышом, под открытым небом. За нами два месяца наблюдал старик-узбек, слушал наши разговоры. Потом он сказал, что кое-какие слова понимает, и предложил нам помощь: «Настаёт зима, здесь бывает холодно». Показал заброшенные стены, помог накрыть камышом крышу, вместо дверей было одеяло,

посреди он устроил мангал, который топили кизяком. Так перезимовали. Через год переселились в с. Солдатское, в общежитие Лубзавода в одну комнату, где проживали 8 человек, спали покотом на полу. Мать и тетя работали в столовой, остальные по 12 часов на Лубзаводе, где изготовляли мешки и веревки.

В начале 1945 г. нас разыскала мамина сестра – Планджиева Шевкие, которая работала в Булунгуре Самаркандской области, и перевезла нас четверых к себе. В этом же году к нам приехала сестра бабушки – Тахтарова Шемьи-заде (мать Тахтарова Османа). В 1946 году нас разыскала фронтовичка Планджиева Фатьма. В этом же году мы переехали в Янгиюль. Жили 8 человек в 1 комнате банковского дома. Однажды было нападение на банк, после чего всех жильцов перевели в другие дома. Так как тётя Шевкие была отличным банковским работником, а тётя Фатьма – фронтовичка, – нам уже на 11 родственников выделили комнату и кухню, где мы проживали до 1962 года.

Мечтал стать художником с детства, имею способности. В 14 лет преподаватель Художественной Академии им. Репина (г. Ленинград), предложил все условия для обучения в Академии. Но не отпустили из Янгиюля из-за комендантского надзора. Помню, как впервые узнал, что такое комендантский надзор. В г. Янгиюле, когда мне исполнилось 16 лет, во время занятий в школе, в класс вошел комендант со словами: «Мерзавец, что я должен тебя разыскивать? Почему не являешься на спец. учет???»

Дома мать разъяснила мне значение слов коменданта.

Помню, как в Средней Азии бабушки Планджиева Эсма и Тахтарова Шемьи-заде просили меня следить, чтобы чужой человек не заходил во двор в то время, когда они читали Коран и совершали намаз.

После выхода Указа ПВС СССР от 28 апреля 1956 г., согласно которому с крымских татар и некоторых других

депортированных народов были сняты ограничения по спецпоселению, нас вызывали в комендатуру и требовали подписаться в том, что по возвращению в Крым не будем требовать возвращения имущества и проживания в том населенном пункте, где родились.

В 1959 году тётя Шевкие получила земельный участок, и две сестры начали строительство дома на собственные средства. В 1962 году закончили строительство и жили в новом доме по ул. Педагогическая, 10, до 1969 года.

В 1969 году мать Сайде, отец Планджиев Шабан с новой семьей (жена и 3 детей), тётя Фатъма (муж и 5 детей) на пути в Крым вынуждены были остановиться в Новоалексеевке Херсонской области. Я же в 1969 году поехал в Буюк Ламбат (Малый Маяк) к маме Полещук Ольге Корнеевне, которая оставалась и жила все это время в Крыму. Она за добросовестный труд неоднократно поощрялась правительственными наградами, была участницей сельскохозяйственной выставки в Москве.

Пошли мы прописываться. А там начальник паспортного стола, начальник милиции и начальник отдела органов безопасности сказали мне: «Мы тебя пропишем. А потом за тобой будет тянуться татарский хвост?» На это я ответил, что никакого хвоста не будет, т. к. знал, что мать Сайде не хотела разлучаться со своими оставшимися в живых родственниками и осталась жить в Новоалексеевке.

Прописался в Малом Маяке, устроился на работу телемастером.

В 1971 году перешел на работу электриком в санаторий «30 лет Октября» г. Алушты. В первый год работы был на «Доске почета» санатория. В 1974 году был рекомендован на городскую «Доску Почета», но не попал на нее за свои татарские корни. Хотя главный врач санатория Ушакова Елена Никитична усердно добивалась моего поощрения. На «Доске Почета» в Крыму не побывал и обещанную квартиру

не получил, хотя, как сын погибшего участника ВОВ, имел право. Так и жил: по фамилии считался русским, а по правам – крымским татарин.

В 1976 году женился на Идрисовой Васфие Ильясовне, внучке раскулаченного в Казахстан Эмир-Али Кемал, и переехал в Мелитополь.

Работал на предприятиях города электриком. В свободное время занимался искусством. В 1996 году на празднике «Курбан-Байрам» выставился перед соплеменниками.

В 1996 году в Симферополе в библиотеке им. Гаспринского, к 52-й годовщине депортации крымских татар из Крыма была приурочена выставка крымскотатарских художников. Были выставлены и мои картины: «Горное озеро», «Водопад Джур-Джур», «Фазаны у водопада». Принимаю посильное участие в жизни Крымскотатарского общества г. Мелитополя. В 1993–1997 гг. пытался восстановить день рождения и факт усыновления. Обращался в Крымский архив отдела записей актов гражданского состояния. Неоднократно ездил в Симферополь и обращался в Мелитопольский отдел ЗАГС. В конце концов выдали свидетельство с прочерком отца и матери.

Адрес проживания: Украина, Запорожская область, г. Мелитополь.

29 сентября 2009 г.

Пугин Владимир

*Подготовка и редакция свидетельства
В. Пугина выполнена Эльведином Чубаровым*

№ 4

Свидетельство о депортации Расима Юнусова

Я, Юнусов Расим, крымский татарин, родился 23 июля 1938 года. Уроженец села Старые Шули Балаклавского района Крымской АССР.

На момент выселения в состав семьи входили:

Осман Юнус, 1907 г. р., – отец,

Юнус Сабирье, 1914 г. р., – мать,

Юнус Шакир, 1936 г. р., – брат,

Юнус Мелига, 1944 г. р., – сестра,

а также брат отца, мой дядя Осман Халиль, 1896 г. р., и его жена Халиль Айше, 1905 г.р.

На момент депортации семья проживала в с. Старые Шули Балаклавского района Крымской АССР. Семья проживала в новом доме из камня, построенном моим дедом и его сыновьями Халилем и Юнусом, т. е. моим дядей и отцом. Имели приусадебный участок и домашнюю скотину (овцы, козы, одну лошадь и жеребенка, корову и маленького теленка) и кур. Перед началом войны отец работал в колхозе бригадиром, его направили учиться в Кефе (Феодосию). Война застала его в Феодосии, и его оттуда забрали в армию. Перед оккупацией Крыма немцами отец вернулся в село из госпиталя, где лечился, после ранения передвигался он на костылях, так и был депортирован больным.

18 мая 1944 года я помню, как сегодняшний день, как будто перед глазами страшный сон. На рассвете с шумом и криками ворвались в дом три солдата в военной форме и с оружием в руках. Мне было 5 лет 10 месяцев. Я не понимаю, что происходит, мы, дети, сонные, плачем, мать с грудным ребенком на руках плачет. Эти трое военных что-то кричат и, подталкивая всех прикладами, выгоняют из дома во двор. В этой суматохе мать подает мне в руки торбу с орехами

1,5–3 кг и молитвенник (Къуран). Это заметил один из солдат, вырвал из моих рук торбу и молитвенник и выбросил в сторону, орехи рассыпались во все стороны. Когда солдаты, подгоняя всех во двор, вышибли у отца из-под руки костыль, он упал и не мог идти, дядя Халиль помог ему. Дядя Халиль был инвалидом войны 1918–1920 годов.

Из вещей не разрешили брать ничего, только то, что одели на себя и узелок с детской одеждой. Один из военных с пистолетом в руке что-то кричал и тыкал пистолет в лицо отцу. Подъехала грузовая машина, она уже была полностью загружена людьми. Нас стали грузить на машину, все плачут, солдаты кричат, стреляют вверх. Дядя Халиль с женой не поместились в этой машине, их посадили в другую. Этот страшный ужас, зверское отношение к старикам, женщинам, детям я не могу забыть. Нас привезли к эшелону, который стоял в поле, и стали грузить в скотские вагоны, где нечем было дышать от запаха и такого количества людей. Люди полусидя дремали на голых досках, лежать места не было. Туалета в вагоне не было, еду выдали на следующий день: соленая хамса и почему-то мука. Это было полное издевательство. Воду для питья набирали на остановках, если успевали и было во что набирать. Люди умирали в пути, нам, детям, чтобы мы не испугались, говорили, что не нужно смотреть на покойников.

Потом нас погрузили на баржи,плыли по реке, никто не знал, куда мы плывем. Я вспоминаю один страшный эпизод, когда плыли на барже: женщина молодая с грудным ребенком стояла у края баржи и вдруг вместе с ребенком выбросилась в воду. Это происходило на моих глазах. Никто из охраны даже не стал ее спасать.

Потом опять везли на грузовых машинах. И, наконец, в начале июня приехали в какую-то глухую местность, кругом дремучий лес. Местным аборигенам сказали, что мы – старики, женщины, дети – предатели. Людей расселяли по баракам, длиной 30–40 метров, разделенным дощатыми

перегородками по 9 кв.м., посредине коридор 1,5 м шириной. В каждое помещение поселяли по 2–3 семьи. Бараки были старые, в них раньше жили заключенные, их переселили на 7 км дальше. В этих бараках от клопов и вшей невозможно было спать. В той комнате кроватей не было, столов тоже, короче голое помещение, спали на полу. Местность, куда нас привезли, была Марийская АССР, где занимались лесозаготовкой, то есть лесоповал. Всем объявили приказ: кто выйдет за пределы села, тюрьма без суда. Всех взрослых от 16 лет погнали на лесоповал, а отца поставили на мост через речку охранником, где он простоял 6 месяцев, он еле ходил на костылях.

Люди начали болеть тифом. Резкая перемена климата очень сильно подействовала на людей. Кроме того, отсутствие еды, лекарств, антисанитария. Из молодых побегов липы и листьев с отрубями готовили лепешки и еще из травы лебеды готовили борщ и давали людям. Рабочим давали 500 грамм хлеба на день, иждивенцам, то есть детям, – 200 грамм на весь день.

Днем взрослые на работе, и дети предоставлены сами себе дома. Даже когда дети болели и были с температурой, фельдшер Барабанов не выдавал родителям больничный лист, говоря: «Иди на работу».

Мы жили в л/у Кума. Когда мать заболела, ее забрали в барак, куда помещали всех больных, она пролежала три месяца, детей к ней не пускали, потом заболела сестра Мелига, она умерла. Очень много умерло людей в первый год. Зимой морозы доходили до 50–55 градусов. Люди замерзали насмерть, с одеждой было плохо.

В 1946 году открыли школу до четырех классов, куда ходили дети от 8 до 12–13 лет. Все обучение на русском языке, в табелях успеваемости в графе «родной язык» вписан «русский». На вопрос: «Почему не татарский?», ответ: «Нет такого народа и языка». Так отвечали преподаватели. Школа с пятого по седьмой класс находилась за 7 км, в нее

дети ходили пешком: зимой – снег, холод, весной – паводки. Школа с восьмого по десятый класс находилась за 80 км, но учиться в ней крымским татарам запрещалось.

Всех обязывали ходить на подпись к коменданту, иначе тюрьма. Весь этот ужас депортации и место, куда нас привезли, как мы жили там, как умирали люди, а также дети; – это невозможно описать без слез даже сейчас. Забыть это тоже невозможно.

На летних каникулах я работал с дядей Халилем, он был печником. С 13 лет работал с отцом, он трудился кузнецом. Точили пилы, топоры, и делали кузнечные сварки для тележек.

В 1955 году мы переехали в Узбекистан, в г. Чирчик по вызову друга отца. В 17 лет я пошел на работу рабочим на полный рабочий день, иначе не хотели брать. Закончил 10 классов вечерней школы. В 1963 году хотел поступить в Ташкентский театральный институт, но мне напомнили кто я такой. В 1965–66 году я работал бригадиром электриков по ремонту электрооборудования. В это время набирали электриков для работы в Иране, из моей бригады приняли двоих русских, а мне опять напомнили, кто я. Да и по жизни было очень много случаев, когда мне отказывали как крымскому татарину.

Клеймо «предателя», присвоенное мне в 5 лет 10 месяцев, я ношу до сих пор. Сейчас мне 72-й год, но кто может мне ответить, за что я страдал и страдаю, за что страдают мои дети тоже? Будет ли реабилитация, будут ли наказаны те, кто это сотворил? Будем ли мы признаны равноправным народом, коренным, проживавшим ранее и живущим сейчас, со своим родным языком, культурой, автономией, за все мои страдания, страдания моего народа? Мы этого заслуживаем!

АРК, г. Симферополь.

17.09.2009

Расим Юнусов

Свидетельство Касиде Бекировой

Я родилась 9 декабря 1934 года в деревне Аджи-Менди Ленинского района Крымской АССР. Отец – учитель, завшколой деревни Абдураман Бариев, мать – Зейнеб Мамбет – работала в колхозе.

Семья была многодетная. Старшие сестры меня очень любили, ухаживали. Гостям, которые приходили к нам, мои сестры показывали меня и рассказывали, какая я умная.

В большом родительском доме, в кабинете отца на стене висели портреты с изображением четырех вождей пролетариата. Из довоенного времени еще запомнилась мамина работа по выращиванию хлопка: мама сама и с моими сестрами взяла обязательство выращивать хлопок, собирать обрабатывать его. За это ее называли стахановкой. Вернее, звание стахановки она получила раньше, а потом от радости взяла обязательство. Один год она с дочерьми выращивала хлопок почти что на горной местности, так как мы жили на долине, недалеко от гор. Видно, моей маме выделили землю, непригодную для посевов, тем более для хлопка. Урожай получился плохой. Помню маленькие кустики и очень маленькие коробочки хлопка, не то что в Средней Азии, где я в ссылке 12 лет была на уборке урожая хлопка – с 4-го класса по по 5-й курс института. Думаю, «мамин хлопок» был в 1941 году – в войну вообще никакой сельскохозяйственной уборки не было.

Еще помню день начала войны. Мы сидели за круглым столом (на полу – татарский столик) – все дети, кроме Наиле и Тайре – старших (Наиле училась в пединституте в Ялте, а Тайре в 10 классе в Керчи). Маму кто-то позвал. Она

вернулась со слезами и сказала: «Все! Мы теперь все погибнем – началась война. Немцы бомбили утром Киев». Вскоре пришли немцы с очень большими лошадьми, у нас была конюшня – самая большая в селе. Их кони были такие толстые, даже не залезли в конюшенную дверь – пришлось немецким солдатам расширить двери – разломали и завели своих коней (очень много их было).

А отец мой вместе с другими активистами деревни в тот же день, 22-го июня, поехал в военкомат записаться добровольцем на фронт. Через 3 дня отца и других в деревне провожали. Больше я отца в Крыму не видела – лишь в 1945 году он вернулся в Среднюю Азию. Мама много не плакала, говорила: «Пусть едет, если не добровольно, все равно заберут сами – это даже хуже». Я не понимала, почему хуже.

Во время войны было очень страшно. Над головой пролетали самолеты – штук по десять. Мы лежали на земле, сестры и старшие подруги, считали. Самолеты летали по три штуки плюс один впереди – так же, как журавли. Мои сестры и дети в деревне уже по самолетам высчитывали: наши наступают или отступают, так как по расположению и направлению можно было узнать наших и их маршрут.

У меня сразу в душе образовалась какая-то тяжесть, которая была тяжестью войны. Она меня не покидала ни днем, ни ночью, когда проснусь, и лишь когда закончилась война, она от меня ушла. Это, видно, было предвидение очень плохих последствий войны. Во время войны уходили и приходили то наши, то немцы. Были облавы на подростков (копать траншеи на 2–3 дня), потом их возвращали, поэтому старших сестер мы прятали. Комендант наш был Баталакъа – хромой инвалид, который остался единственным мужчиной в деревне. Немцы нахально сами назначили его комендантом из-за отсутствия мужчин. Он всегда успевал предупредить о проделках немцев заранее: видно, у него были связные. Несколько раз была тревога: на горах вроде

партизаны убили двух немцев, сказали, что если подтвердится, – 40 человек подростков-мальчиков расстреляют. Немцы побежали узнавать, слух не подтвердился. Была ложная тревога. Обошлось, никто не пострадал. Вообще, у нас из фашистов были не немцы, а итальянцы, и еще долго жили румыны. Они были очень добрые и говорили потишечку: «Гитлер, капут!». Даже дружили с нашими девочками, устраивали танцы. Совершенно не были похожи на врагов. Один раз пришли настоящие немцы, их начальник разместился у нас в квартире. Сказали, что наш дом новый, очень красивый, самый лучший в деревне, и у нас будет что-то вроде штаб-квартиры. Половину дома занимал этот офицер со своим денщиком. Денщик был злой, но никого не трогал. Когда офицер спал, мама всех детей старалась держать подальше от двора – никто не кричал, нас выгоняли подальше от двора. На огороде у нас советские солдаты вырыли окопы, было больше десяти окопов в 4 ряда, а на горе, где мы до войны ходили, было 2 блиндажа. После ухода немцев ребята нас туда повели – это, наверное, 1943 год был. Немцы жили у нас недолго, около двух месяцев. Никто из жителей не пострадал, в деревне в это время были лишь женщины и дети, даже стариков-мужчин не было.

Мама занималась до войны в хозяйстве разведением кур и индюков. В Керчи жила ее сестра: маме она помогала продавать куриное мясо, индюков и яйца, таким образом маме удавалось прокормить девять детей, и небольшие пайки отпускал деревенский сельсовет. И еще у нас был небольшой сепаратор молока. Со всей деревни к нам приходили веять молоко – за это раз в десять дней хозяева отдавали нам дневную порцию молока. У нас самих коров не было – из трех коров две в 1938 году забрал колхоз, одну корову забрали немцы или наши во время войны. Печи отапливались хворостом. На зиму мои сестры собирали, заготавливали хворост целой горой – выше, чем дом. Видно, в 1941 была жуткая зима,

утром однажды встали – дом полностью завален снегом, окна закрыты снегом. Говорили, что весной будет падеж скота. А его (скота) и так не было. За что волноваться?

Мама бы не смогла уйти в партизаны, если даже ее агитировали, тут же была готова погибнуть с девятью детьми. Я слышала, как взрослые шептались: мол, партизаны воюют – а из-за них страдает местное население: немцы не могут ловить партизан, а расправляются с местными невинными жителями. На мой взгляд, партизаны лишь вредили местным жителям и уничтожали не немцев, а наши богатства и ценности. Большая часть взорванных железных дорог и мостов, зданий, заводов – это занятия партизан. Вряд ли от этого страдали немцы. Немецкую боевую технику нужно было уничтожать не голыми руками партизан, а такой же противотехникой. В партизанах работали люди, которые оторвались от части, жители сожженных деревень, беглецы из тюрем и т. д.

Красную Армию встречали с радостью, цветами, возгласами. Очень радовались – как будто это уже победа над врагом. Немцев боялись, мамы наши вели себя очень осторожно, никто даже громко не разговаривал, не пел. Разве кто согласится всю свою жизнь говорить и не петь? Что эта за жизнь? Кому в голову пришла такая глупая мысль, что татары любили немцев – это ведь, считай, были сплошь женщины, оставшиеся в оккупированных зонах, а их мужья и сыновья были в Красной Армии, воевавшей с немцами. Такой абсурд может прийти в голову лишь умалишенному.

Наши мамы как огня боялись немцев, оберегали от них детей – не дай Бог, кого-то расстреляют. Денщик офицера чуть не расстрелял моего младшего брата Оздемира, которому было три года: ему не понравилось, что брат заплакал – его начальник спал. Денщик уже направил дуло пистолета, мама успела схватить и обнять сына, и сказала: «Убейте лучше меня». Это факт. После этого люби немца! Мама на всю жизнь запомнила этот случай и часто вспоминала его с ужасом.

Недели за две до депортации мама сказала, что нас посадят в корабль и увезут в глубокое море, утопят. И поэтому, когда мы 18 мая собирались на поезда, то мама никакой посуды не взяла, кроме двух ведер. Говорила: «Нас все равно затопят, а если останемся живы и будет, что готовить, – я найду посуду». Она на 90% была уверена, что нас везут в море. Когда посадили в вагоны, то была рада и сказала: «Значит, мы останемся живы, видно, везут в Сибирь – ничего страшного, я вас спасу в любом месте, мне не страшна Сибирь, я уже была в Архангельске, лишь бы нас сейчас не расстреляли». Первый мамин муж Нусрет во время раскулачивания в 1928 году был арестован. В 1932 году мама, как жена кулака, вместе с тремя детьми была выслана в Сибирь. Пять или шесть месяцев она пробыла в Архангельске, потом оттуда сбежала, решив, что если не убежит, все равно здесь погибнет. Добралась до Москвы, а там и до Крыма. В 1933 году вышла замуж за моего отца, у которого незадолго до этого умерла жена Къасиде. В конце 1934 родилась я, меня назвали в честь первой жены отца.

Как выяснилось, нас везли не топить в море, а на железнодорожный вокзал. В товарных вагонах мы разместились на втором этаже нар. Я и Наиле всю дорогу плакали, никто больше не плакал. На нарах были матрацы. В вагоне было много семей. Нас ехало рядом три семьи – 18 человек. Нас десятеро, семья сестры отца – 3 человека и другие сестры – 5 человек. У них не было ни одного мужчины, а у нас было два мужика – два моих брата: Эфрасияб 1931 года рождения и Оздемир – 1940. Остальные 16 человек были все женского пола – такое феминистское сборище. Начиная с 1942 года, моя мама (1899 года рождения) была среди них самой старшей. В 1942 году родилась у меня сестренка Халиде, отец ее не видел. Она умерла в Средней Азии в 1945 году, так же как и две другие сестры – Нефисе 1923 года рождения и Айслув 1928 года рождения.

Ехали 14 дней. Кормили плохо. Простаивали эшелоны по 3–4 дня. Лишь в Саратове накормили «царской» пищей: суп ячневый – желто-белый, очень вкусный, и белый хлеб – все ахнули. Вспоминали много лет об этой кормежке. Такой хлеб люди уже не ели с начала войны.

По дороге умирали, больных было много. Уже, по моему, была малярия или тиф. Очень много было больных, с высокой температурой, кашляли хором всю дорогу.

Привезли в Азию вечером, а потом разместили по селам, колхозам, по квартирам узбеков – их, видно, обязали уступить комнату. Наша семья отдельно поселилась утром следующего дня. Переночевали в первый день в какой-то двухкомнатной квартире с земляным полом, сказали – это школа. Постели не было. Все радовались, что постели не было, так как стояла жуткая жара. Мы рады были, что выгрузились наружу из душного товарняка, где все чесались и кашляли, и рады были прохладе земляного пола. Наконец-то мы на земле!

Первые наши хозяева были очень доброжелательные – старуха с благородным лицом и ее дочь-красавица. Потом узнали, что старуха из аристократической касты. Муж то ли убежал, то ли погиб в басмачах. Она очень нам сочувствовала, видно, поняла сразу, что сама с трудом избежала подобной участи, а может и худшей (от этой власти всего можно было ожидать). Потом они с мамой подружились на всю жизнь. И даже когда жили в других местах, мы посещали свою первую хозяйку. И второй наш хозяин был очень к нам благосклонен и добр и спас нас от смерти, по крайней мере, меня и моего брата. Мы, несколько детей, «охраняли» его фруктовый сад. В 1945 году почти месяц мы жили без хлеба, муки, питались только фруктами – абрикосами и яблоками, и были сыты.

В 1945 вернулся из армии отец, устроился работать плотником. Мама по селам меняла свои вещи: платки турецкие,

платья, кое-что из посуды – на молоко, сметану; в киргизском поселке нашла себе подругу и та ей немного помогла. Так прокормила нас в 1944–1946 годах. А в начале 1947 чуть не умерли с голоду – зимой фруктов нет. Выскочила какая-то трава, мы две недели питались той травой (по моему, это была лебеда). Она одна лишь осталась полусъедобная, правда, говорили, что она тоже ядовитая. И вот за две недели эта трава до того осточертела, я думаю: если еще раз в рот ее возьму, то умру.

Маленькому брату Оздемиру варили кашу – с мельницы ручной мама кое-как счищала около сто граммов муки. Нашей мельницей пользовались люди, но в последние дни все меньше и меньше. И вот однажды мама выскребла последние полрюмочки муки и говорит: «Это уже последняя мука для малыша, теперь будем умирать с голоду, терпите и кушайте траву». И вдруг мама приносит муку гороховую и яичный порошок. Никаких подробностей не помню, как она их варила. Может, я уже была в состоянии протрации. Никому до меня нет дела, хочешь живи – хочешь умирай, никто не спрашивает о моем или чужом состоянии, и мало кто о чем говорит. Ничего не запомнила, потому что, кажется, я уже не слышала речей. Эти две недели были на грани голодной смерти. В этот момент, видно, мозг отключается от истощения. Я только помню события позже, мама говорила, если б не американцы, мы бы умерли с голоду. Оказывается, по Северному пути поставили гороховую муку и яичный порошок. Спасибо этим продуктам, что спасли меня от голодной смерти.

Было очень жарко. Я переболела тремя видами малярии – двухдневной два раза, трехдневной и четырехдневной. Запомнились эти дни истощающими ознобами. Дизентерией я болела несколько раз, по много дней. Нам даже не хватало «хины». Принесли один раз, я съела две таблетки. Мама их не хотела давать, думала, ядом отравить детей хотят. Лечила мочой больных желтухой и какими-то

косточковыми маслами по рекомендации ее узбекских и киргизских подруг. Мама очень любила местных жителей, когда их ругала моя двоюродная сестра, она очень сердилась и нам запрещала ругать. А твердила – «это очень хорошие люди, местные жители, мусульмане, если бы не они, мы бы умерли с голоду».

В 1955 году я окончила школу и, как «золотая медальница», получила возможность поступать в институт без экзаменов. Комендант выдал мне разрешение на поступление, и я была принята в Ташкентский медицинский институт. Два года проучилась в Ташкенте, потом перевелась в Андижанский мединститут.

Борьба за возвращение в Крым была всегда, и татарин готов был бороться всегда. Были митинги и демонстрации. Когда я училась в Ташкенте в 1955–1956 гг., создавались объединения татарских студентов, призывавших к возвращению в Крым. Я в них не участвовала, и в политических событиях тоже – родители с детства нас запугали, считалось, что участие в политике – это очень «грязное дело», предостерегали и оберегали нас от этого. Слов было мало. По их молчаливым взглядам я догадывалась, что досталось им немало. Поэтому старалась их не нервировать, считала, что и без того много работы. Учеба отнимала много сил и энергии, учиться было тяжело, бедно, некогда было заниматься другими делами.

Ущемленность из-за национального происхождения не покидала никогда. Но старалась беречь нервы.

Добивалась своего – главное было получить высшее образование. Ко мне прямо не высказывали ненависти или неприязни, но чувствовала, в жизни и в карьере на родине добилась бы большего. И если бы не помешала война как таковая. Если бы не она, и не выслали бы нас. Если бы не она, жили бы совсем по-иному. Это, видно, рок, судьба.

Содержание

Раздел I. Депортация крымских татар: взгляд семь десятков лет спустя (Бекирова Г.)	3
Глава 1. Подготовка, причины и правомерность депортации	3
Глава 2. «Вывезены все»... ..	14
Глава 3. «Пройдите по могилам, спросите» (В спецпоселениях)	24
Глава 4. «Да не понял ли нас читатель так, что спецпоселенцы были лишены гражданских прав?»	37
Глава 5. «Новый Крым»	45
Глава 6. Настроения спецпереселенцев и попытки сопротивления режиму	61
Раздел II. Официальные документы и архивные источники	70
№ 1. Постановление Государственного Комитета Обороны № 5859сс «О крымских татарах»	70
№ 2. Спецсообщение заместителя наркома внутренних дел Меера заместителю наркома внутренних дел СССР В. Чернышову о массовой заболеваемости среди спецпереселенцев крымских татар в Узбекистане	75
№ 3. Телеграмма наркома внутренних дел УзССР А. Кобулова министру внутренних дел СССР Л. Берии об эпидемии малярии и желудочно-кишечных заболеваний среди крымскотатарских спецпереселенцев	78
№ 4. Письмо заместителя Наркома внутренних дел В. Чернышова наркому Наркомнефти И. Седину о положении спецпереселенцев из Крыма в Ленинском районе Андиганской области	80

- № 5. Письмо заместителя начальника отдела спецпоселений НКВД СССР П. Мальцева заместителю народного комиссара внутренних дел Союза ССР В. Чернышову о положении спецпереселенцев в Костромской области81
- № 6. Выписка из докладной записки о работе оперативно-чекистского отдела Волгостроя НКВД № 4848 за октябрь 1944 г.84
- № 7. Спецсообщение начальнику ОСП НКВД СССР «О настроениях спецпереселенцев в связи с предстоящими выборами в Верховный Совет СССР» (декабрь 1945 г.)89

Раздел III. «УНУТМА» – общенародная акция сбора свидетельств геноцида крымскотатарского народа93

- Обращение Специальной комиссии Курултая по изучению геноцида крымскотатарского народа и преодолению его последствий96
- Вопросник свидетеля депортации 18 мая 1994 года99
- Выступление Гульнары Бекировой «Проблема признания геноцида крымскотатарского народа: исторический аспект» на сессии Курултая крымскотатарского народа (22 декабря 2006 г.).....106
- № 1. Свидетельство о депортации Джафера Эмирралиева112
- № 2. Свидетельство о депортации Таира Халилова118
- № 3. Свидетельство о депортации Пугина Владимира Николаевича (Планжиева Нури)123
- № 4. Свидетельство о депортации Расима Юнусова130
- № 5. Свидетельство Касиде Бекировой134

Науково-популярне видання

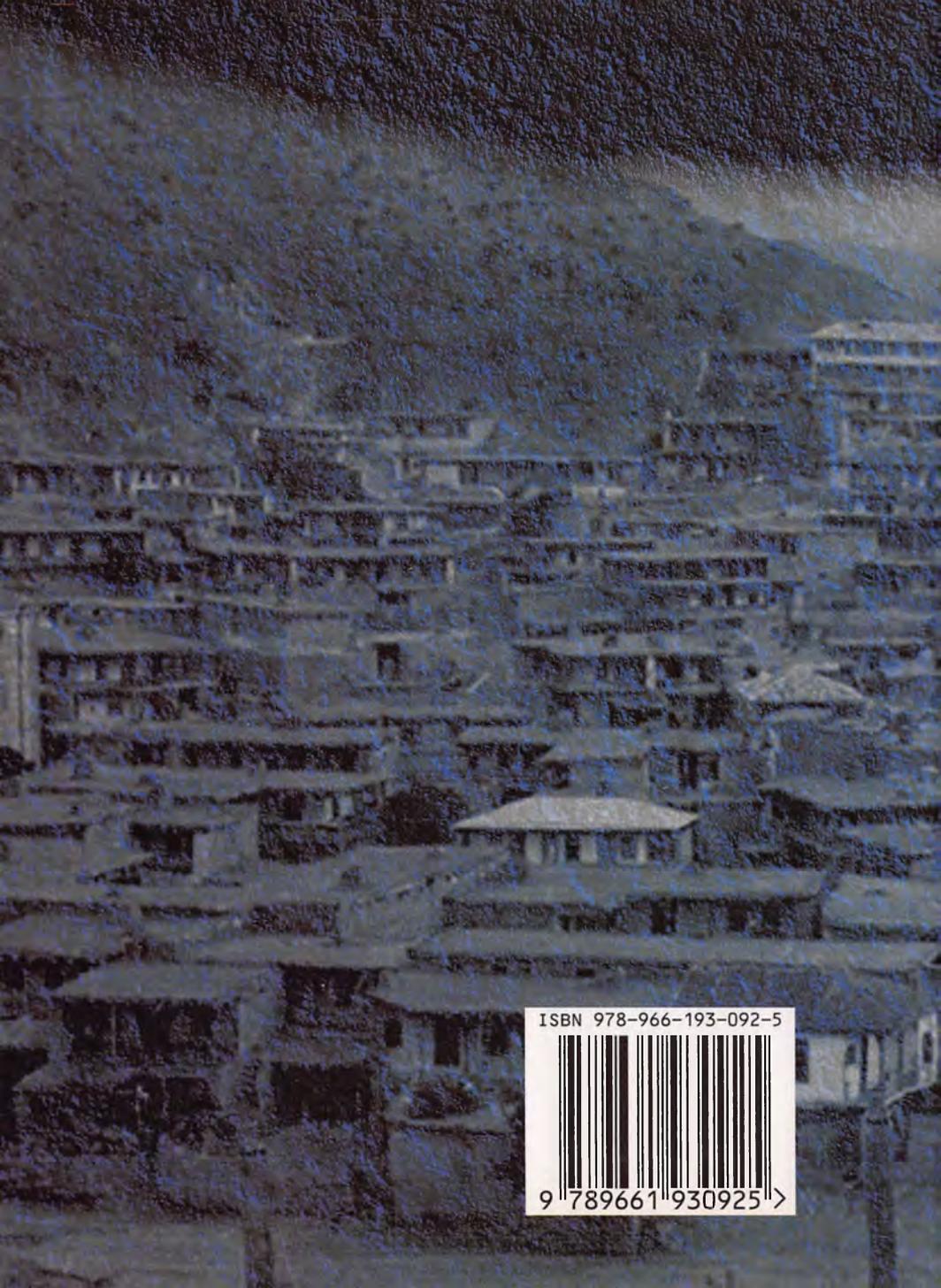
**«Ми бачили пекло на землі...»:
До 70-х роковин депортації
кримськотатарського народу
(російською мовою)**

Укладання, загальна редакція,
передмова Гульнари Бекірової

Редактор О. Бондаренко
Художній редактор І. Пилипенко
Технічний редактор І. Риндюк
Коректор Т. Шкиря

Підписано до друку 14.05.2014 р. Формат 60х84/16.
Папір офс. Друк офс. Гарнітура SchoolBook.
Ум. друк. арк. 9,0. Обл.-вид. арк. 8,8.
Замовл. № 0514-14.

Видавничий дім «Стилос».
04071, Київ, вул. Набережно-Лугова, 5, к. 30.
Свідоцтво Держкомінформу України
(серія ДК № 1465 від 13.08.2003 р.).
Тел.: +38044 417 4239, +38044 428 7250.
E-mail: stylos.publish@gmail.com
www.stylos.com.ua

ISBN 978-966-193-092-5

9 789661 930925 >